ГАЛИНА ШУБНИКОВА

ИЗЛУЧИНА

Избранное

Вест-Консалтинг
Москва
2025

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)
Ш95

Книга издана при финансовой поддержке
Министерства культуры Российской Федерации
и техническом содействии Союза российских писателей.

Галина Шубникова
Ш95 Излучина. *Избранное* — Москва: «Вест-Консалтинг», 2025 — 356 с.

ISBN 978-5-91865-853-6

В книге стихов «Излучина» известной поэтессы Галины Шубниковой — непритворная любовь к родной земле, обнажённые лирические строки, философское осмысление жизни.

Книга рассчитана на широкую читательскую аудиторию.

В оформлении книги использованы иллюстрации, сгенерированные нейросетью Шедеврум, и материалы сайта бесплатных изображений freepik.com.

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)

© Галина Шубникова, 2025
© Елена Крюкова, предисловие, 2025
© «Вест-Консалтинг», оформление, 2025

ISBN 978-5-91865-853-6

ЖИТЬ НА ЗЕМЛЕ ВО ИМЯ СВЕТА

И снова день не в высоту,
А по длине Вселенной.
Пройти бы, Боже, ту версту,
Что кажется нетленной…
Галина Шубникова

Сила природы.
Сила жизни.
Боль смерти.
Свет Бога.
Радость жить среди родных людей.
Всё это — русские архетипы.
И всё это — поэзия Галины Шубниковой.

Искусство, при всей утонченности его приемов, не прощает художнику только одного: неправды. Эмоциональной лжи. Смыслового наигрыша. Нравственного лицемерия. Поэт Галина Шубникова в своем искусстве прежде всего — безусловный носитель правды. Правда, исповедальность, предельная искренность — залог её духовной стойкости. В её стихах вы не найдёте красивостей и украшательств, всевозможного декора и стилистических виньеток. Её учителя, её предшественники — великие личности русской поэзии XX столетия: Юрий

Кузнецов, Ольга Фокина, Татьяна Реброва, Варлам Шаламов, Анатолий Жигулин, и в особенности — Николай Рубцов.

Но что есть поэтическая правда? Прежде всего это жизнь, которую мы проживаем ежегодно и ежеминутно. Драгоценность мига всегда трудно схватить, изобразить; неуловимый миг, алмаз бытия, нельзя переоценить; самое лучшее — полнокровно, раскрываясь ему навстречу, этот миг прожить, до дна вдохнуть, прочувствовать, как единственный, неповторимый. И всё-таки, хоть это трудно, запечатлеть. Да это так и есть. Величайшая загадка ускользающего Времени соткана из уникальности его фрагментов.

И ветер выл. Холодный чёрный ветер
на белом свете — нашем белом свете.
Метался над землёй тревожный полог,
и умирали, не страшась, кто молод,
на белом свете — нашем белом свете.
Кружилась мгла. Лик ангела был светел
на белом свете — нашем белом свете.
Зловещий век окажется недолог,
вернётся верою небесный всполох
на белом свете — нашем белом свете. (…)

Что бесценно в творчестве Галины Шубниковой — то, что вся словесная, вербальная ткань её стихов связана не только с позициями внутреннего мира автора — с верой, нравственными устоями, несомненной направленностью творческого вектора к работе высокого духа, — но и с чистой и радостной живописностью, и это прекрасное продолжение традиций классической русской поэзии, чья цветовая палитра, невероятно богатая и сияющая, воздействует на креативную авторскую колористику:

Не найти палисад под окном с георгинами,
невпопад затоскую опять беспричинно я.
Занавески темны, словно тучи печальные —
окна дома немы. Подойду — не встречают ли…
Ни единой души, коль следы запорошены.
Ворожить — ворошить то, что прожито — прошлое.
Лепестки георгинов пылающе-красные.
Ну хотя бы один мне найти, но напрасно я
всё брожу и брожу по тропиночкам памяти…
В снежной замяти.

Поэт от века работает с тайнами Времени. Эта максима — уже аксиома. А ещё он работает с соединением хаоса и Космоса. Сама гармония родилась из безмерности, из котла, где вихрилось варево архаического

безумия, священной беспредельности. И вот из хаоса явился гармоничный Космос, блаженный міропорядок. Космос есть природа, что окружает нас; её пиршество, её праздник, её ландшафты, ласкающие глаз, её гроза, заставляющая нас трепетать. В людском море (людском Міре) есть свои грозы-войны, свои страдания, и их необходимо преодолеть, для того, чтобы почувствовать себя человеком под крылом Бога. Не грубо, не резко, не императивно, не импульсивно, а горячо и светоносно звучит в стихах Галины Шубниковой нота преодоления суждённого нам, людям, страдания, победа над неотвратимой болью; а значит, звучит и музыка обращения к Богу — и она не богословски-ортодоксальна, не умилённо-сентиментальна: это обращение к горнему Міру излучает у поэта тихий свет; это своеобразный «Свете тихий», тот тайный знаменный распев, что явлен здесь в мірских стихах, но заставляет нас, охваченных чувством незримого святого присутствия, благоговеть, уповать и надеяться.

Гляжу на сад — он вечностью измерен,
В одном ряду деревья, имена.
Не дай, Господь, болезненной потери —
Дорога в жизнь с потерями длинна…
Не дай, Господь, остаться слабой в вере
И смерть винить, и Истину Твою.

Я в рай святой, не веруя, поверю,
Былинкою качаясь на юру.
Прости мне днём неверье, немоленье.
И только ночью тихой и немой
Увижу свет за приоткрытой дверью
И преклоню колени пред Тобой.
И вспыхнет сад, надежду излучая,
Зашелестит листвою не спеша.
От горестей убежища не чая,
Оттает, потихоньку воскресая,
Моя заледенелая душа.

Время есть не только протяжённость, но неостановимый калейдоскоп, священный годовой круг, древний коловрат. Катится его гигантское, эпически-спокойное колесо. Зимние пейзажи в книге сменяются летними. Осень, изображённая поэтом, заставляет вновь и вновь вспомнить о роковой быстротечности жизни. И опять снег, зима, лёд, тревога — кружево заиндевелых ветвей ассоциативно проглядывает в мастерском плетении-вязи северных кружевниц, но чёрный лёд, замёрзшие зимние ветви под суровым ветром снова заставляют наше сердце биться больнее, и, наперекор всему полынно-горькому, побеждать вновь и вновь приходящую к нам тревогу, горе, боль. И становится ясным, что Галина Шубникова — художник преодоления трагедии. Она

по-своему решает предвечный земной архетип Жизнь-Смерть. Быть может, вся на свете поэзия, все изящные искусства существуют лишь для того, чтобы вымолвить людям вот об этом — о самом важном, сокровенном. О памяти Рода. О непреходящей любви к родным и близким. О счастье жить, неся дальше родовой свет, лелея, благословляя бьющимся сердцем и пламенем горячих живых рук, всемерно продолжая его:

Белоснежной птицей сон взвивается,
И морозной лунною волной
Ноты собираются в мозаику
Нежности извечной неземной.
Крылья птицы бьются в снежной замяти,
Музыка — бушующий простор.
Бабушка вернулась белой памятью,
Выплетая ласковый узор.
Звон коклюшек, словно звёзд падение.
Снится мне хрустальный перезвон.
На одно — лишь на одно мгновение
На плечо опустится ладонь.
И, её теплом всегда хранимая,
Кружевной лелею палантин…
Птиц небесных ниточка незримая,
Сокровенных памятных глубин.

Книга поэта называется «Излучина». Название более чем архетипическое, знаковое. И оно не только отражает изгиб вечно меняющейся жизни, излуку вечно текущей вдаль реки, не только заставляет вспомнить о тихой заводи уединения и молитвы, раздумья и невольных слёз, но в своей сердцевине оно таит ИЗЛУЧЕНИЕ, а значит, феномен света, сияния, солнечности и звёздности. Космос как міропорядок всецело внятен Галине Шубниковой, и она не раз приоткрывает над ним завесу повседневности и усталости от безостановочного жизненного похода — звёзды всегда рядом с нами, и по-тютчевски поэт глядит на них не только снизу вверх, но плывёт среди них в необъятных небесах. Небо и земля меняются местами. Но, что ценно, не утрачивается желанная гармония. Поэт поёт собственную песню, незаёмную, оригинальную, то нежную, то суровую; поэт — зеркало времён, камертон воли Рода и народа, и голос его — глас народа, поэтому многие строки Галины можно петь, они есть живая музыка:

О, в том ли саду я искала в печали
Ту тропку, то дерево, яблоко то,
Где пчёлы под солнцем цветы повенчали,
И время светилось своей наготой.
Под чёрной одеждой стволов молчаливых,
Где соки стекают на землю, как кровь,

И в шёпоте листьев — ночном, торопливом —
Мне слышались стоны молоденьких вдов.
О, в том ли саду прорастут Именами,
И небо разверзнется, боль их приняв,
И станут навечно святыми камнями,
Бессмертной любовью средь яблонь и трав.

По стихам поэта можно свободно бродить, как по лесу или по берегу реки. Художник изначально настроен на тональность родимой природы. Всё узнаваемо, и всё — открытие, всё видится и слышится в первый раз, и в то же время всё сущее дано нам в вечное наследство — как сокровища неувядаемой традиции, как колыбельная ночная мелодия продолжения Рода, как яркие киноварные, узорные буквицы «Апостола», «Часослова» или «Псалтыри»; мост от древних стихов, от Библейских интонаций протягивается к нашим непростым временам (а когда и у какого народа времена были простые?..), и этот живой мост — поэзия Галины, одновременно и всечеловеческая, и очень русская, родная.

А давай-ка, браток, порыбачим с тобой,
Пусть река забирает невзгоды.
Плещут волны. И кажется — вот он, покой,
Независимый от погоды.

Наша лодка пока на своём берегу,
На другой непростительно рано…
Я по зорьке летней бегу и бегу,
По лугам, где белеют туманы.
Только так, на бегу, только так, наяву,
И живу, и пишу, и мечтаю.
Ну, а рыбу поймаю — ухи наварю
В котелке аж до самого краю.
Только дай мне, Господь, и весну, и тепло,
И дыханье реки за спиною,
Чтоб рука опустила на воду весло
С прежней силой моею лихою.

* * *

Новая книга поэта — всегда этап.

Завершения — нет.

Мы все стоим на берегу — морском ли, речном; на берегу нового духовного странствия. Чувство остановки в пути, суммирования наработанного — прекрасно. Можно окинуть взором свою собственную землю, стиховую планету, которую поэт создал сам. Но поэт всегда идёт выше и дальше. Он хочет петь смелее, ярче, свободнее, привольнее; хочет достучаться до сердец, включить в орбиту своей судьбы хор других, близких

и далёких жизней и судеб. Вперёд и вдаль, вместе с родным народом! Любовь не исчезает в никуда. Река течёт, образуя женственные, таинственные, сияющие излучины; солнце, ближняя звезда, излучает вечный свет; лучи любимого русского Слова, зарифмованные с единственной жизнью, озаряют то, что было и осталось в памяти навек, и то, что ещё придёт.

Когда в тебя вгрызается гранит,
А ты всего лишь ручеёк, речушка —
Никто не знает, как вода болит,
И душу словно вычерпали кружкой.
Ты из оков бежишь быстрей, быстрей.
Водою, говорят, все камни точит,
Но, искры высекая из камней,
Вода бесцветной болью кровоточит.
Болит вода. По капле. На разрыв,
Святую силу в муке собирая,
Испей её — и ощутишь, что жив,
Вновь берега прощенья раздвигая.

Елена Крюкова,
поэт, прозаик,
литературный критик,
искусствовед,
член Союза писателей России

На просвет

* * *

Хрустом пугает мороз за окном,
глядит, крутолоба, луна.
Кружатся мысли веретеном.
Одна.
Качнутся деревья, куржак* облетит —
время немой пустоты.
Скрипнет калитка.
Сердце взболит.
— Весточка вечности?
Ты?

* Куржак — иней на ветвях деревьев из-за резкого перепада температуры.

* * *

Выходишь утром на просвет морозный
и скрипом снега будишь тишину,
а с неба снегопадом звёзды
нечаянно на плечи соскользнут.
И — замираешь. Ртом хватаешь воздух —
и бьёшься словом в этой пустоте.
Очнёшься — на ладони звёзды,
а это просто снег на них слетел.

* * *

Ржавчиной подёрнулись снега,
и куда спешат часы — не понимаю,
в спячку до весны или в бега…
Заклинаю, погибаю, отпускаю.
И в ладони мне не удержать
Ни минуты, ни секунды, ни заката.
Не замёрзнув на ветру опять дрожать,
Не искать решения загадок.

По иголкам, как по детству, без оглядки —
Ледяной мой мир шальной и шаткий.

* * *

Несётся вскачь потерянное время,
ломает круг, выбрасывает стрелки.
Приходишь в мир раздетый, неумелый.
Уходишь — время окончанья сделки.
И между тем и этим столько света —
то время тьмы, то призрачной надежды.
Но ветер, обезумевший вдруг ветер,
срывает с тела тленные одежды.
Разбрасывает лоскуты нелепо,
стирает след законченной прогулки,
и в поисках приюта бродит слепо
душа по занебесным переулкам.

* * *

«Свадьба безымянного света
и безымянного снега».
Михаил Гронас

Между светом и снегом
какая настигнет беда?
Где шагов половинки
рассыпаны, сброшены ветром.
Не спасешься побегом:
Врасплох застают холода.
И кого тут винить,
что останется песнь недопетой?

* * *

Скрепили ветви намертво свои,
Их поцелуями листва едва щекочет.
Нас по аллеям тихо провели
Средь ненаписанных или забытых строчек.
И чёрных рук неясную печаль
Сплетает и заламывает ветер,
Последний листик улетает вдаль,
Он напоследок и красив, и светел.
Под ветром плача дерево скорбит,
Вцепляется в ночи корнями в землю,
Как будто сердце — стукнет, отболит
И заново судьбу свою приемлет.

* * *

Звенящая синь небес
и свет, что всегда изначален.
Деревья чернеют окрест:
Всю зиму стояли, молчали.
Встревоженный зимний сон
с последнею льдиной резною
стремится постичь горизонт —
плывёт и плывёт над волною.
Так сладостно в синем дыму
деревьям и небу сродниться.
И зелень сплести в бахрому
счастливой, неведомой птицей.

* * *

Когда в тебя вгрызается гранит,
А ты всего лишь ручеёк, речушка —
Никто не знает, как вода болит,
И душу словно вычерпали кружкой.

Ты из оков бежишь быстрей, быстрей.
Водою, говорят, все камни точит,
Но, искры высекая из камней,
Вода бесцветной болью кровоточит.

Болит вода. По капле. На разрыв,
Святую силу в муке собирая,
Испей её — и ощутишь, что жив,
Вновь берега прощенья раздвигая.

* * *

А я всё неотступно верю,
Когда мороз звенит окрест...
Луна в окно, подобно зверю,
Заглянет с высоты небес —
Рассыплет свет и мрак прикроет,
И вот уже не так болит…
Родное, гулкое, немое —
Бессвязных слов или молитв.
Настанет день. Любовь без фальши.
Я крест свой с лёгкостью возьму —
(И боль, и радость — преходящи).
Я, Боже, дальше понесу…

* * *

Ищу дорогу до тебя,
Где лишь молчанье сосен.
Я помню, там была пурга,
Я помню сотни вёсен.
Всё по-другому, всё не так…
Кора сползает наземь,
Как будто кожу норовят
Сорвать с меня всю разом.
Берёзу обниму рукой,
Ни слова не ответит.
Зачем мне весь былой покой,
Коль поиск счастья тщетен?
Плутают по лесу слова,
Что знает память вечно.
Я только ею и жива
В сей жизни скоротечной.

* * *

«Искал я сад, а посетил — болото…»
Глеб Горбовский

Ищешь сад свой мучительно долго…
Сквозь печаль и жестокий обман.
Миражом вдалеке яблонь полог —
Яблонь белых цветущий туман.
Прикоснёшься, и капельки влаги
Обжигают ладони огнём.
Крылья бабочек — яркие стяги —
Рдеют шёлковым кумачом.
И коснутся меня мимолётно —
Словно сон, словно бред… или явь?
Мне бы с ними летать беззаботно,
Одиночество сердцем приняв.

* * *

Из конверта слова
крыльями бабочки —
воздушные, невесомые —
осыпаются.
Вчера ещё был рассвет,
сегодня осы кусаются —
горячие лампочки.
И жужжат нескончаемо
над конвертом.
А на пальцах —
пыльца…

* * *

«Я — изысканность русской медлительной речи,
Предо мною другие поэты — предтечи…»
Константин Бальмонт

Я старалась, вплетала метафоры в строки,
Неуютно им было, подчас одиноко.
Я училась звучать как природный ручей —
Ледяной, говорливый, звенящий, ничей!

Будь синицею, слово!
Будь больнее больного!
Будь родным, невесомым!
Будь со мной незнакомым!

Перезвоны весеннего яркого света
И шептание трав среди знойного лета,
И тоскливая осень, и дымка мороза
Оживут в ароматном венке виртуозном.

Я найду это слово
Среди чрева земного.
Отпущу на свободу —
Ты лети к небосводу!

* * *

Стихи пишутся
Из бессонницы —
Ночь темна
И не ждёшь рассвета.
Заполняешь лист звёздами.
И кажется — они светят.
Но ручка нечаянно на пол
Обронится…
А утром достанешь
Лист бумаги:
Он — светел,
Как в праздник
Горница.
Единственную из звёзд
Бог приметил:
Она светит!

* * *

Закатом все мечтанья сожжены,
Синеет ночь спокойно и глубоко.
Но сердцем произнесены
И в небеса отпущены высоко,
До срока,
Мои слова.

И тетива,
Натянутая строчками,
Дрожит, пружинит в тишине.
Насыплются мне в руки звёзды точками
Без лишних слов извне.

И снова жизнь отныне и всегда
Ни веса не имеет и ни званья,
А на рассвете дождь, как из ведра,
Откроет неожиданно дыханье
Едва-едва…

* * *

Мой белый день студёной, снежной птицей
то снегопадом вниз, то взмах крыла — и ввысь!..
Так дрогнет вечность мига на ресницах.
Не торопись.
Не торопись уйти или остаться
и раствориться в снежном забытьи.
Всей жизнью — жить. Всей жизнью — не казаться,
быть на своём, единственном, пути

* * *

«Свет в круглой храмине под куполом в июле,
Чтоб полной грудью мы вне времени вздохнули
О луговине той, где время не бежит».
Осип Мандельштам

Ротонда — Храм. Незыблемо молчание
Столпов, белеющих под куполом небес.
Открытая ветрам, с душой венчальною,
И каждый вдох её — живущий арабеск.
А выдох строчкой — жизни и надежды —
И крепнет слово в окружении столпов.
И мир опять становится безбрежным,
Вплетённым в вечность неразгаданных стихов.

* * *

Взлетит ли бабочка яркая
Над садом, над ветром?
Ветви тянутся в небо жаркое
За спасительным светом.
От земли —
От холодной, тоскующей,
Только вверх —
Ближе к синему, ясному.
Трепетание слов на крыле
Не расслышать
В судьбы маяте…

Не напрасно ли
Ты явилась мне,
Бабочка,
На потрёпанном жизнью холсте?

Бирюзовые дни

* * *

Когда горы устанут звать за собой,
Когда море прошепчет — больше не жду.
Потеряю я всё — и любовь, и покой,
И навеки смирение я обрету.
Я забуду, как бьётся о скалы волна,
Как над ней облака чайки режут крылом.
Одинокою галькой — с глубокого дна
Меня выбросит к берегу в шторм. А потом
Мне привычными станут тепло и покой,
Вспоминать буду — море прибоем ворчит.
И солёные брызги сотрутся рукой,
Словно слёзы — то память морская горчит.

* * *

Вздымались всемирным потопом волны,
И громом рокочущим, недовольным
Терзали душу, путали мысли,
И, будто вёдра на коромысле,
Качали с силой, солёным гневом,
И страх под кожу, как жуткий демон, —
Прощайся с жизнью!
Стремится море в своих пучинах
Дуэль устроить средь исполинов.
Никчёмной видится жизнь Вселенной,
От страха кровь застывает в венах
Путь перечёркнут земной и бренный,
И ты у моря навечно пленный —
Ты сильным признан!

* * *

С.

Ты помнишь Балтийское море?
Стальное, холодное, буйное:
Беснуется на просторе —
И зверем рычит, безумное.
Иль в пенном своём смятении
На пирс всей мощью взбирается.
И кажется: жизнь в мгновение —
Обрывается.
А стихнет ночью, уставшее, —
Прижмётся к берегу спящему.
И в наши с тобой ладони
Янтарные крошки обронит.

* * *

Иные года —
одночасьем,
ветром,
цепляющим ветки.
Листья срываются
праздные
жёлтой,
зелёной расцветки.
Иные часы —
годами,
деревом
с крепким корнем.
И синими
— неба! —
глазами,
воздухом жизни
горним.
Сплетается всё
воедино.
Годы, тревоги, пути.
Непостижим поединок
Силы
И слабости.

* * *

Так долго чернела вода. Мучительно и невольно.
Светились огнём города. Радостно и раздольно.
Пенные волны внахлёст камень точили упорно —
Беда с великанский рост кромсала и била больно.
Ты останься собой — камнем, невидимой силой.
Длинной дорогой немой горе тебя носило.
Огранено волной, яростью непобедимой
Сердце, за бурей-стеной, угрюмо и нелюдимо.

* * *

Деревья и люди сгорают дотла —
От слова, от взгляда встречного.
И тлеет, никак не остынет зола,
В сердце осевшая вечностью…

* * *

Сосны в лапах качают мерцающий вечер,
Воздух каждой иголочкой вышит.
И минутою вечною снова отмечен
След незримый от слова, затихший.

И уносит слова, словно листья, по ветру,
Невесомые — нет уже смысла.
И блуждают они до минуты рассветной,
Виснут в воздухе коромыслом.

Вечер ветром объят, и нельзя их разнять,
Пустота проникает сквозь сердце.
Колокольным рассветом минуты звенят,
Только в них я могу отогреться.

* * *

А позовёшь
и вспыхну в одночасье
Своей мечтой
и голосом твоим.
И по дороге —
в вечной её власти —
вновь к берегам,
где шторм неутомим.
И пр*е*сной тишина
вдруг ощутится,
А сердца стук
с прибоем наравне.
Мне не дано
взлететь над бездной птицей.
Но птицей быть
в мечтах своих — вполне.

* * *

Автобаны, трассы, бездорожье...
Дом родной — для странника приют.
Уповая лишь на милость Божью,
В серпантине гонщики снуют.
Взгляд озёр и холоден, и вечен,
Между сопок бирюзой мигнёт,
И белёсый запоздалый вечер
Птицей белой из-под рук вспорхнёт.
Что искать в краю озёр и сопок,
Чем тревожить душу, бередить?
Солнце светит день и ночь высоко.
Мне б себя себе да возвратить.
И за счастьем, в вечном бездорожье,
По ухабам памяти своей
Отыщу, что мне всего дороже, —
Берега разбросанных камней.

* * *

Вновь бирюзою день и ночь звучит,
И что мне километры и невзгоды...
Бодрится солнце, вечное — в зенит.
Не остановит даже непогода.
На тонком стебельке звенит цветок.
Я расправляю крылья, с ветром споря.
Взлетаю, чтобы пробовать восторг —
Прибой суровый Баренцева моря.

* * *

Словно собран из гальки и соли,
Из морской ледяной глубины,
И неважно, кем был ты доколе:
Нет совсем суеты и вины.
Нет ни вёсен, ни лета, ни горя
Белой ночью и пасмурным днём.
Только волю, безудержность моря
Мы вбираем для вещих времён.
Рассыпаются брызги морские.
Ветер северный в спину толкнёт.
Руки морю навстречу раскинешь,
Как заправский матрос-мореход.
То ль не счастье, и то ль не удача —
Неоглядные ширь и простор!
Бирюзовая бездна, чуть плача,
Омывает подножие гор.

* * *

Здесь — на краю первобытной земли —
Бьётся о берег мятежное море
Стонут погибшие в шторм корабли —
Вечным укором-скелетом в дозоре.
Шумным прибоем по камню скользя,
Змеем сползая с шипеньем и пеной,
Море уверено — эта стезя
Неуравнима — ни с тусклой, ни с бренной —
Той, что неспешно идёт по земле,
Той, что красиво и нежно петляет…
Только в кромешной морской глубине
Теплится сердце и не отпускает.
Лишь прикоснёшься ладонью к волне —
И поклянёшься вернуться обратно,
Берег разбросанных вечных камней
В снах возвратится к тебе многократно.

* * *

С.

Так ветрено и хочется тепла,
Останки кораблей в приюте вечном.
Взревёт волна и с дребезгом стекла
Вновь разобьётся и окатит плечи.
Зачем живёшь, зачем идёшь, куда?
Солёный ветер — горя неизбывность.
Вода-вода — и счастье, и беда,
Разлуки-встречи — моря неразрывность.
Так бьётся пульс — как волны о скелет,
Надежда тает с медленным отливом.
И только отблеск солнца на скале
Сверкнёт — погаснет снова над заливом.
И берег будет тишиной объят,
И чёрный камень солонее моря.
И я пойму, когда глаза горят
У моряков. А звёзды с неба вторят.

* * *

Не смогу на тебя навсегда наглядеться.
Будешь вечно манить вновь разбитое сердце.
Будто дождь о стекло — рассыпаюсь на части.
Вятка — родина мне. Море — вот моё счастье.
Соли вкус на губах и пронзительный ветер!
Ради этого стоит метаться по свету.
Возвращаться туда, где берёзы, дубравы,
Вспоминая ночами, где гор величавых
Распахнулись над морем широкие крылья,
Где стихия морская смела и всесильна.
Я оставлю на камне свой след незаметный
И признанье в любви. Может быть, безответной.

* * *

Стелются берёзы по земле,
Прутиком цепляются за камень.
Я шепчу им — вы красивы! — как во сне,
Трогаю их сердцем — не руками.
Ног не чуя, тундрою бреду,
Их благословляя на прощанье.
В облачном тумане и дыму
Чувствую их робкое дыханье.
А на Вятке — родине моей —
Стройная сестра до поднебесья...
Эта — меж увалов и камней
Робко прорастает нежной песней.
Край земли суровостью искрит,
Но берёзка, вопреки природе,
Корешком вгрызается в гранит,
Тянется отчаянно к свободе.

* * *

И снова разрываешься на части —
Здесь слева скалы. Справа гладь озёр.
В плену суровом Баренцевой власти,
Где Север сердце пред тобою распростёр.
Шуршанье волн подобно соснам в бурю —
О скалы бьются насмерть, не на жизнь.
Я не сменю дорогу на другую,
И пусть она — сплошные виражи.
Пройти меж сопок, в горы, к водопаду —
И доказать себе, что вовсе не слабак.
И море пред тобою, как в награду,
Откроет душу. Ты отбросишь страх.
И лаской бирюзовой издалёка
Придёт, прижмётся нежно к мёрзнущим ногам,
И звуки всей Вселенной приумолкнут…
Я сердце Баренцеву морю здесь отдам.

* * *

Зайду в туман —
Густой, манящий, влажный…
Молчит земля. Прислушиваюсь к ней.
Немой рукой полотнище разглажу
Таинственных, заманчивых теней.
И предо мною из-под ног взовьётся
Звенящий голос тундры и дождей.
Здесь каждая берёзка к камню жмётся,
Здесь каждый листик кажется нежней.
И сад камней —
Мечтаний и надежды —
Я строю свой.
И на краю земли
Вновь признаю,
Насколько многогрешна —
Без веры все дороги пролегли.
Пусть пирамида рухнет в одночасье —
Я северному ветру поклонюсь.
Туман над тундрой величаво-властный —
Молитвой в нём навечно растворюсь.

* * *

Я не скоро приеду обратно
К соснам, елям, берёзовым снам.
Подари мне билет безвозвратный
В каменистый простор, к валунам,
Где бушует и бьётся о берег,
Разрезает простор голубой
Слово строгое, нежное — Север —
Бирюзовой морскою волной.
Крики чаек и наглость бакланов
Зазывает и к морю ведёт —
Через сопки и через туманы,
Через тундру, презрев самолёт.
Долго будут во сне миражами
То ли сопка, то ль озера гладь
Появляться... морскими мечтами,
Где так хочется чайкой летать.

* * *

Можно с твоих ладоней
Чайкой вспорхнуть в поднебесье,
Качаешь и не уронишь
Мелодией северной песни.
Словно стальные нити
На гребне волны высокой —
Солнце стоит в зените,
Память вздохнёт ненароком…
Помню, всё это было —
Камень вода точила
Неистощимой силой.
Было всё это, было!
И валуном тяжёлым
Падает сердце в пятки —
Бездной Севера болен,
Пойдёшь на зов без оглядки.

* * *

Растеряны слова и нет значения,
И тайну вздоха в ночь не разгадать.
Волна морская вечностью движения
Судьбой похищенной осмелится играть.

О камни брызгами, и в небе звёзды выстыли,
Шуршит, шипит и катится назад.
И нет в мечтах ни лодки и ни пристани,
И некому меня давно прощать.

Но я ловлю, глотаю ветер северный,
И берег манит тайной неземной.
Не разгадать души, давно потерянной.
Я встречусь здесь с собой. Уже иной.

Дорога к себе

* * *

Покидало по белу свету —
Украина, Москва да Ухта.
Будто кто выдавал мне билеты,
Только всё не туда — не туда.
Только всё мимо родины милой,
Всё в обход берегов и лесов.
Как же я тебя сильно любила,
Крепко сердце закрыв на засов.
А на Вятке земля-то родная,
Синевою горят небеса.
Корабельные сосны взмывают,
Расправляют свои паруса.
Я по тропке пройду заветной,
Поверну время, память вспять.
Только родина так беззаветно
Вечных путников будет ждать.

* * *

Город чужой. И родной, и далёкий,
В горы стремится дорога от моря.
Здесь под каштанами спит одиноко
Котик, не знающий горя.
Что ему наши паденья и взлёты,
Утром накормит турист иль прохожий.
Мимо судьбы поезда, самолёты.
Выйдет ли солнце, иль день непогожий,
Я не вернусь. Это точно известно.
Волны качают во сне — я не спорю.
Было на пляже уютно и тесно,
Разве бывает другое у моря…
В горы дорога — извилистой лентой,
Словно судьбы повороты, утраты.
Я не пытаюсь узнать уже, где ты.
Встречи-прощания… глупые даты...

* * *

Вятским Полянам

Не удержал меня огнями,
Не удержал в закате дня,
Своими дивными холмами
И травами в росе звеня.

Бывает, снишься. Затоскую
И не во сне, а наяву
Листву дерев перецелую,
Родного неба синеву.

Мои шаги навряд ли помнят
Причал, дороги и поля…
Я не ищу мест*а* укромней,
Взамен синицы — журавля.

Раскинешь руки мне навстречу,
Зальются песней соловьи…
Теплом сердечным я отвечу,
Забыв печали нелюбви.

Мой город радости, тревоги,
Мой город счастья и весны,
Не будь ко мне сегодня строгим
Среди пьянящей тишины…

* * *

Думала, годами выжжется больное —
Вынесет на отмель Вятки при луне.
Почему же сердце вдруг опять заноет
И зашепчет ветер в вязкой тишине…

Вятские Поляны — точкою на карте.
Храмы, сабантуи, «Молот», «ПэПэШа»…
Снова я приеду, не заснув, в плацкартном,
Солнечное утро встретит не спеша.

Расстели дорогу — прошлую, иную,
Я пройду сквозь годы — зелен*а* трава.
Вспомни озорную, я не заревную —
Жухлою листвою полегла молва.

Вятские Поляны — песней незабытой.
Посмотрю сквозь время — неба синева.
Растревожу память утренним, умытым
Солнцем, что целует нежно купол*а*.

* * *

Жёлтые ветви акаций
Шмелиным колышутся гулом.
Время тоскующих станций
Приблизилось горько, сутуло.
Гулом качается воздух
И вьёт небывалые сети —
Прошлого медленный отзвук
Из промелькнувших столетий.

* * *

Одноклассникам
школы № 5 г. Советска

Возвращаюсь туда, где качели
Во дворе меж берёзок летели.
Там парным молоком пахнет вечер
И струятся неспешные речи.
Там смеются и мама, и папа,
Свет луны — будто тёплая лампа.
Шёпот сосен над крышею дома,
Тишина по ночам невесома…
Меж берёзок взлетают качели,
И валяется старенький велик.
До чего же всё это знакомо…
Мимо детства иду, мимо дома.

* * *

Тянут ветви тонкие руки,
окольцованы серебром,
После долгой тревожной разлуки,
под крикливые звуки ворон.
Сколько б ни было, ни полыхало
в мире злобы, коварства и лжи,
мне берёзовых песен хватало
эти чёрные дни пережить.
Мы едины — зарубка к зарубке —
я к берёзе теснее прижмусь.
И куржак осыпается хрупкий
на мою просветлённую грусть.

* * *

Снова дома…
Дышится свободно.
Танец солнца.
Тучей — комары.
Пусть деревня,
Говорят,
Немодно.
Это лишь до срока,
До поры…
Бабочка на солнечном крылечке.
Горсть земли,
Что радует в саду.
Босиком пройду,
И словно в вечность —
На лугу на травы упаду.
Родниковой свежестью умыться —
Губы занемеют,
Обожжёт,
Словно пламенем.
Взлетаю птицей…
Мой исток. Неугасимый род.

* * *

Вот и встретились снова, родная
деревенька с десяток домов.
Отчего же стоишь ты пустая
на Покров, на Покров, на Покров?

В старом доме не топлена печка,
до крылечка не видно следов.
Что ж так бьёшься ты сильно, сердечко,
на Покров, на Покров, на Покров?

И не ломится стол угощеньем,
не видать, не слыхать здесь сватов.
Снова стану просить я прощенья
на Покров, на Покров, на Покров.

Окна словно пустые глазницы.
Поклонюсь я десятку дворов.
Снова будет деревня мне сниться
на Покров, на Покров, на Покров.

* * *

В городке моём всё по-прежнему —
розовеет рассвет над рекой.
И дыхание ветра свежее
обнимает прохладной рукой.
Гладь речная тиха и задумчива,
словно время уснуло на миг.
Отражается небо тучами,
день проснётся, дождями умыт.
Всё по-прежнему, всё по-прежнему.
Тишина и небесный покой
пробуждают любовь мою нежную
к Вятке — Родине дорогой.

* * *

Вдруг красной брусникой сверкнёт перелесок,
Поманит к болоту богатством своим.
И сразу весь мир, что держал, станет тесен,
А царство теней, царство тропок — живым.
И золотом вспыхнет листок на опушке,
И липкие пальцы от сока кислят.
Душа в западне, словно в сладкой ловушке,
И ты понимаешь, насколько богат.
Болото зачавкает вновь под ногами —
Прекраснее музыки, кажется, нет.
И сразу откликнется голосом мамы,
Что в сердце живёт — и болит столько лет…

* * *

Тёте Клаве,
соседке в детстве

Тёплый вечер струился по кружке —
Тётя Клава лила молоко.
Две пчелы полосатых — подружки —
Над цветами резвились легко.

Шёпот сосен вдали за домами
Мне рассказывал сказку о том,
Что страна велика и веками
Ищут странники счастье в другом…

Что за морем, за тем океаном
Изумруды блестят и искрят.
А я слышала шёпот лишь мамин —
Край наш Вятский любовью богат.

Сосны ласково лапой качали
И взывали меня в высоту,
Где ни смерти, ни бед, ни печалей, —
Лишь достань золотую звезду.

Кружка тёплая сердце мне грела,
И молочный парной аромат
Синий вечер сшивал так умело —
Тихо солнце катилось в закат…

Эти сказки преследуют часто,
Но родимого дома тепло
Огонёчком горит не напрасно,
И мерцает родное окно.

Моя провинция

В нашей провинции воздух звенит синицей,
Медленна жизнь, будто слой облаков загустел.
Капля дождя слезинкой дрожит на ресницах.
День отпустив, календарный листок улетел.
Скрученной нитью сплетается жизнь в паутину,
Радуга проблеском мост перебросит вдали.
Наша провинция — вотчина комариная —
Звон колокольно-серебряный изнутри.

* * *

По лугам — берегам Вятки
мне ходить и ходить вечно,
растворяясь в зелёной мяте
еле слышимой доброй речью.
И волной шелестеть ночью,
набегать на песок робко
чуть заметным следом сорочьим,
и рассветы встречать знобко.

* * *

Так странно нынче замерзает Пижма.
Ей лёд — оковы, до весны — забвенье.
И ноябрём всё дышит, дышит, дышит
и раздвигает з*а*берег теченьем.
А ноябрём спелёнутая белым
не хочет отдавать свою свободу —
водою чёрной по открытым венам
разверзнута под снежным небосводом.

* * *

По пояс в снегу леденеет провинция,
а ночью не спится — неведомой птицею
взлетает над кручей, обрывом и пропастью
без тёмной печали, без слёз и без робости.
И песнею вечной с душой неразгаданной,
веками намоленной, Богом оправданной,
всей силой бездонною, силой небесною,
и светом, и радостью к жизни воскреснет.

* * *

Здесь только лесовозов след,
шиповник кровью рдеет на снегу.
Исчезнувшей деревни свет
сквозь лапы елей вьётся поутру.
И нет ни звука, ни дымка и ни тепла,
свирепый ветер в гулкой тишине
по-волчьи воет. Пепелищ зола
теснее жмётся к мёрзнущей земле.

* * *

Здесь ствол сосновый в поднебесье — выстрелом.
Закинешь голову, и вскружит во хмелю.
И думается, как же всё бессмысленно
Здесь на земле — пред Богом, на краю.
Сквозь кружево зелёное, игольное
В ладошки свет по капле — синевой.
И на мгновенье среди счастья больно мне
Увидеть плач сосны янтарною слезой.
Всё мимолётно, призрачно, обманчиво.
Лишь свет и воздух, да глоток воды.
А в соснах ветер шепчет сладко-вкрадчиво,
И исчезают в вечности следы…

* * *

Вятка — зеркалье синее —
В цвет отражённого неба.
Солнце хвостом павлиньим
Вскидывает рассвет.
В тёплую воду утром
Ива глядит игриво,
Бархатной жёлтой пудрой
Сыплет чуть видимый след.
Ветер погладит нежно
Листья и ветви ивы
И подтолкнёт небрежно
Пену речной волны.
Берег обнимет бережно
Шелест воды осторожной.
Скрипнут мостки тревожно,
Памятью лет полны.
Речка, песок и время…
Ты всё такой же, берег!
Дорог ты мне без сомненья,
Берег родной стороны!

* * *

Что я потеряла среди неба и сосен?
Левый берег Вятки сердцу дороже правого.
Его аромат животворящ, богоносен.
Век бы смотреть на плывущий листочек,
на ласточек бравых.
Небо теплее, а волны ласковей.
Жизнь отсюда читается сказкою.
Сосны родные с годами кажутся выше.
У реки разбила шалаш синяя тишина.
Только так я себя-ребёнка могу услышать,
а мамины песни мне пропоёт волна.
Мимо детство проплывает облаком,
Катится яблоком.
Вижу его, как будто в поезде из окна —
И не могу догнать.

* * *

Не найти палисад под окном с георгинами,
невпопад затоскую опять беспричинно я.
Занавески темны, словно тучи печальные —
окна дома немы. Подойду — не встречают ли…
Ни единой души, коль следы запорошены.
Ворожить — ворошить то, что прожито — прошлое.
Лепестки георгинов пылающе-красные.
Ну хотя бы один мне найти, но напрасно я
всё брожу и брожу по тропиночкам памяти
В снежной з*а*мяти*…

* Замять — метель, вьюга.

* * *

Не мне судить, что получилось в жизни.
Вечерний свет то близок, то далёк,
Но я всё помню цвет донецкой вишни
И за домами, с буреломами, ставок.

Не мне судить. Но мне печаль лелеять —
Дорог степных ногами не топтать
И на каштановых темнеющих аллеях,
О Родине скучая, не роптать.

Не мне судить удачи и изломы,
Но сердце знает истину одну —
На Вятке — я своя, я дома,
Но у Донецка навсегда в плену.

Кукарская симфония

* * *

Вы впечатаны в сердце навечно —
Вятский край и земля кука*а*рская.
Жизнь, что капля дождя, скоротечна —
доля радости, доля мытарства.
Здесь дождём испол*о*скано поле,
Даже небо лоскутное, рваное.
И любовь, и печаль, и раздолье.
Нет земли для меня желаннее.

Триптих Кукарга

(Кукарга — слобода Кукарка,
в настоящее время город Советск)

1.

Кукарка, Кукарга, достань своим ковшом
Воспоминаний из глубокой стыни.
Старательно былое с будущим сошьём —
Из ткани неба голубино-синей.
И реки-рукава в серебряной красе
Вновь разговоры поведут неспешно,
Когда неведомы ещё ни грех, ни смерть,
И жизнь светла и кажется безбрежной.
И тишиною заливных немых лугов
Яви нам вслед несметные богатства,
Порханье крыл небесных мотыльков
И встрече с прошлым ты не воспрепятствуй.
Блеснёт клубника каплей алой: кровь!..
Протянем руки — обжигает кожу.
Плетём и строим сеть невидимых мостов —
Но как же путь отчаянно тревожен...

2.

То ль морозные чудо-узоры
На окне ледяном проступили,
Лебединою песней просторы —
Невесомы. И белокрылы.
Нитка к ниточке строчкой ложится,
В тишине словно бубен звенит,
День и ночь волшебство кружевница
Неустанною птицей творит.
Нежным облаком выпорхнет в небо
Кружевное её мастерство,
Плечи модниц ажурным снегом
Принакроет её колдовство.
Птицы дивные, сны ли морозны —
Только нежность вплетается в круг,
И искрятся ажурные звёзды
Белоснежьем на летнем ветру.

3.

Дивным кружевом смотрят оконца,
Деревянный свой век доживая,
Солнца луч только светом лишь тронет —
И тотчас от печали растает.

Я бы век на оконце глядела,
Представляя, как мастер колдует —
Под рукою что песня звенела:
Он резьбою поет и врачует.
А дом*а* бесприютны и строги,
Но хранят кружевные наряды,
Грустным взором следят за дорогой
В полнолунную ночь звездопада.
На наличниках звёзды и птицы,
Месяц тонкий иль солнце с лучами —
Это жизни и смерти страницы,
Что остались у нас за плечами.

Кукарское кружево

Симфония Вятского края —
Безбрежна глубокая синь.
Надеждой и верой пылая,
Любовью своей не остынь.
Всегда возрождаешься птицей,
И ветер лишь занавесь рвёт.
А время горячей зарницей,
Крылом неустанным взмахнёт.
И в каждом сплетении кружев
Симфония — жизни сродни.
И кружат ненастье и стужа,
И кружит звенящий родник.
Коклюшек ворчанье ночное.
И власть, что над ниткой дана.
Рука дирижёра заноет
Над бездною ночи. Луна
Осветит мерцающим бликом
Симфонию — Вятский простор.
И радостью, светом великим
Взыграет кук*а*рский узор.

* * *

И тёплый след — незримой вереницей
по краю истомившейся души.
Гоняет ветер волны-колесницы.
Остановись. И не спеши.
Так, зачерпнув из воздуха былое,
не сосчитать бегущие круги.
Но держит память крепко дорогое —
излучину у Вятки у реки.

* * *

Мои луга в серебряной росе
в тревожных снах — так каждую весну…
Я не смогу уехать насовсем,
В твоём я вечном, сладостном плену.
Мой Вятский край — и дом, и талисман,
вязь километров пройденных дорог.
Мне Вятка — подорожником от ран
и родниковой свежести глоток.

* * *

Я ли иду сквозь сад,
Сад ли летит сквозь меня —
Ветром разбуженным вспять
Рук не поднять.
Где же цветения миг
Яблони сбросили дар?
Как на губах горчит
Памяти нежный нектар!
Лишь частоколом стоят
Голых деревьев стволы.
Если притронусь,
То я
    стану щепотью золы.

* * *

Услышу зов
И вскинусь ветром свежим.
Вода речная — в камень-перекат
Летит и бьётся истово и нежно.
Так имена болезненных утрат
На сердце искры высекают
Рикошетом.
А в черноте
Живое слово бьётся,
И вытолкнута пена из глубин.
И смерть о жизнь так незаметно трётся,
Выискивая тысячи причин,
В лицо смеётся.

Сад памяти

* * *

Возвращусь неприкаянной в сад,
Надышусь и земным, и родимым.
Окна в доме напротив горят
Огоньком, для кого-то незримым.
Откликаются болью земной,
Спелым яблоком летнего сада —
Запоздалой извечной виной
В августовскую ночь звездопада.

* * *

…Я не в силах вернуть —
Вы ушли навсегда.
Не изменит свой путь
В чёрном небе звезда…
Больше не обнимать,
Не дарить мне рассвет.
Как без вас мне дышать
Это множество лет?!
Лишь беззвучно стонать…
Дни мои — пустоцвет.
Где мне воздух искать,
Если воздуха нет?!

* * *

Проснись, мой сад, из памяти воскресни,
Дорогою, длиною в жизнь, прими.
Сплети из яблонь кружевные песни
И ветками объятия сомкни.
Вернись пыльцой, медовой негой в улей,
Жужжаньем пчёл, сплетением в семью.
Безмолвным, жарко дышащим июлем
Не будь загублен глупо на корню.
Вернись, мой сад, осенним листопадом
И яблоком с тобою пополам.
Дождливым ветром, утренней прохладой…
За взгляд один я многое отдам.

* * *

Памяти папы и сестры

Горчит июль — и солнцем, и дождями,
Прошитый датами. И ими разделён.
И плещется тревожно голубями
Вечерний воздух тающих времён.
И рвётся полог синего безбрежья,
И хрупкий свет ничем не удержать.
Слова и лица тают неизбежно,
И снова память не даёт дышать.

* * *

На грани сентября и октября,
Когда листва с деревьев облетает,
Рубинами на солнышке горя,
Рябиновые кисти оживают.
Горят костры, и стелется дымок,
И, кажется, прощание настало.
И неба взгляд отчаянно-глубок
И облаками в озеро упало.
Не взять печаль, не выплеснуть в окно.
И ветром не собрать сухие листья.
Рябиновое красное вино
Горчит, в бокале осени искрится.

Триптих
Дыхание стрекоз

1.

Когда стрекозы расправляют крылья —
Рассветный час уже неотвратим
Над вечным садом. Вечным и немым.
И имена в нём прорастают былью.

И сквозь прозрачность крыл яснее вижу
Непрочность жизни краткой на земле
И то, что спрятано в кромешной мгле.
Иные имена к себе приближу.

Рассыплются небесной звёздной пылью —
Не удержать ни светом, ни теплом,
Когда алеет небо за окном,
Когда стрекозы расправляют крылья.

2.

И снова сад проснулся на рассвете,
Затрепетали крылышки стрекоз.
И словно ветер — сладкий, тёплый ветер,
Вдруг закружив, под небеса вознёс.

Блеснут на солнце крылья слюдяные,
И мир на миг покажется другим.
Я вспомню дни — прошедшие, иные,
Когда весь сад казался обжитым.

И лишь в полёте стрекозином спешном
Над суетой проснувшегося дня
Вернутся имена, что неизбежно
Горели болью в сердце у меня.

3.

Что ж ты кружишься над палисадом,
Цвет серебряный в крылья вобрав,
Над уснувшим навек моим садом —
Неустанно, маняще, стремглав…

О, тебе ли не знать все печали —
Приближается век холодов.
Дерева всё чернеют, качаясь,
Словно люди на гребне веков.

И тебе ли не знать, что молчание
Не разбудишь ты трепетом крыл.
Словно вечное ожидание,
Ведь мой сад ничего не забыл.

Серебром слюдяным на прощание
Одари — и крылом помаши.
Вьётся в воздухе, вьётся молчание
Стрекозиной летящей души.

* * *

Словно бусины нанизаны на нитку —
ягод чёрных россыпи лесные.
Кто-то стукнул в детскую калитку,
и заныли струны потайные:
пламенел закат за лесом на опушке,
иглами вонзались комары и мошки.
Мы года считали за кукушкой,
маму поджидая у окошка.
И с корзиной, полною черники
(как же сил хватало на такое?),
на крылечке с солнечными бликами
сядем развесёлою гурьбою.
Перепачканы черникою изрядно.
— Ешьте, ешьте, ешьте до отвала!
Всё прошло, исчезло безвозвратно…

…Я чернику маме покупала.

* * *

Тепло обнимает мягкими лапами кот.
Всё топчется, муркает — служба несётся исправно.
А я вспоминаю, как строили маленький плот,
Конфету в кармане твоём, что нашла случайно.
Я помню — мне было с тобой так спокойно, тепло:
В январскую стынь грел мне заледенелые пальцы,
Смеялся задорно и всё говорил: «Истекло
Время прогулки. Не спорь.
Я здесь для тебя — начальство».
А сердце-ледышку сумеет ли кот отогреть
Сквозь годы мои и все горести целого света?
Я не хочу примерять к тебе страшное — «смерть»,
В кармане опять нащупываю конфету.
И это — привет, словно голос твой издалека.
Обёрткой шурша и пытаясь забыть неизбежность,
Я чувствую — папа, это твоя рука
Мне сердце-ледышку растопит и впустит нежность.

* * *

Из-под руки метельной ночью
смотреть в окно, искать, где ты.
Мерцанье звёздное воочию
в плену безмолвной маеты…
Не украдёшь, не прикоснёшься,
и станет сердце ледником,
когда случайно оглянёшься,
прошепчешь про любовь... о ком?
И сквозь метели-расстоянья,
далёких рук храня тепло,
назначить новое свиданье
сквозь отмерцавшее стекло.

* * *

Вспоминая отца…

Январь рассыпается звёздами,
Сугробы дрожат на ветру.
Летят одинокие розвальни
Сквозь снег и мороз поутру.
Я вижу картинку из прошлого:
«Ямщик, не гони лошадей!».
Дорога давно запорошена
К любимой далёкой твоей.
И вскружится песня печальная,
И молча на снег упадёт.
Затихнут слова от отчаянья,
А снег всё идёт и идёт.
Всё дальше и дальше по времени,
А скорость быстрей и быстрей.
В другом, не земном, измерении
Прижмусь… Ты меня отогрей.

* * *

Растаял дымкой. А вернёшься светом,
Не жгучим холодом, а жарким летом.
Рукой дотронуться я не сумею —
Не оттого ли губы занемеют
Горячим летом?
А поутру ворвёшься в память ветром.
Слезами растревожить не посмею,
Найду слова, которыми согрею.
Вернись же светом.
Ты не со мной давно. Далёко где-то,
Курчавым облаком тепло одетый.
Я верю — будет наша встреча, верю.
Найду тебя я за небесной дверью!
Ты присылай мне весточки-приметы.
Я встречу светом.

* * *

Встрепенётся снегирь от мороза трескучего,
красным яблоком вспыхнет на жгучем снегу.
Подзамёрзшей рукой разведу в небе тучи я —
словно солнышко выйдет на том берегу,
где лыжня рассекает пол-леса, пол-просеки,
лапы елей мохнатых, как сказочный зверь.
И минутка из детства простоволосого
на ладони растает снежинкой потерь.

* * *

Из осени да в зиму —
Печаль почти светла.
Под яблоней — корзина,
Рассыпана листва.
И в руки не даются
Ни яблоко, ни свет.
От ветра ветки гнутся,
И солнце на просвет —
Глядеть — не наглядеться…
И, в памяти храня,
Тем яблоком согреться
Зимой, как от огня.

* * *

Памяти папы

Открыл мне буквы, словно города,
Миры чертил на карте и на небе.
Колёсами стучали поезда,
И бледный след беды страданьем не был.

И зыбок мост — отсюда и туда,
И мама мыла раму у окошка.
Я знала, это навсегда —
Цветы, любовь и ласковая кошка.

Растерян переменами времён,
Ты сжёг себя, меня оберегая.
Незнанием и знанием казнён,
Не веря в ад, не веря в силу рая.

Всё шире мост отсюда и туда,
И мне рукой подать лишь
До тебя…

* * *

Ты был мне ближе и роднее всех…

С каждым годом вопросов всё больше,
Что могла бы тебе задать.
Но, видимо, воля Божья...
Божья во всём благодать.
Разделить. Кого-то забрать себе,
Другой останется на земле
Грешить от отчаяния, одиночества,
Выискивать трещины на стекле.
Даже если не хочется,
А хочется только к тебе…
Ты слышишь меня? Я думаю, да.
Где-то рядом беда.
И вина бродит улочками одна.
Воздух августа изо льда.
Столько лет болит тишина.
Сквозь неё не пробьётся ни звук
И ни твой ответ.
Это вопросы разлук, прожитых лет,
Сомкнутых век

Роятся пчёлами,
словно в саду,
Никуда от них не уйду,
Не уврачую, не сберегу,
Руками не возьмёшь голыми
На нашем, не твоём, берегу.

* * *

Маме

Вереницей лето, осень, вёсны,
Лишь зима задумчиво длинна.
Как же ночи и грустны, и звёздны,
Паутиной вьётся тишина…

Заплести бы косы золотые,
Да уже зима белее льна.
Слёзы по щеке ползут скупые —
Будет ли ещё моя весна?

Радостью взовьётся ли сердечко,
Вспыхнет ли рябиной на кусте?
Тают годы, тают, тают свечкой —
Тёплый след на жизненном холсте.

* * *

В тишине колыбель раскачается —
Светлой памятью заговорит.
День за днём в паутину сплетается
Из твоих нерушимых молитв.

Коль печаль захлестнула да с бедами:
Ни бежать, ни взлететь, ни вздохнуть —
Ты одна только знаешь и ведаешь
Слово тайное к жизни вернуть.

Коли радость, раздолье, забава ли,
С краю ты — ни слышна, ни видна…
Мама, мама… о, как я, неправая,
Буду снова тобой прощена?

Жизнь шальная, крутые излучины —
Нет ни слова упрёка вослед.
Я всей жизнью твоею научена
Раздавать людям радость и свет.

* * *

Когда земля рождает новый день
и щедро насыпает в руки утро,
нечаянно заденет неба тень —
усталость лишь на миг сиюминутна.
И шорох ангела присутствием своим
сплетает воедино ожиданье
всех месяцев. И ты незнанием томим,
кто явится на первое свиданье.
О, чудо... что так неусыпно ждал,
надежду взращивал на новое дыханье
и светлым именем вживую нарекал
из таинства рождённое созданье.

Триптих

Сыну

1.

И вновь сентябрь листвою золотится,
И утром тишина звенит окрест.
Взлететь до синевы счастливой птицей —
Пусть счастьем плачет и звучит оркестр.
И тёплым шорохом бегут, бегут минуты,
Осенним солнцем согреваясь впрок.
И ветер вдруг становится попутным —
Лети, лети, мой золотой листок!
Росток любви — осенней, неподкупной,
Когда дожди и беды нипочём…
Осенний лист. И золотой, и хрупкий —
Летит, летит счастливым сентябрём.

2.

Километры дорог от меня до тебя —
Километры от осени к осени.
И лететь, и лететь почтарям-голубям
Над осенней багряною россыпью.
И на крыльях своих до тебя донести
Радость встречи и горечь прощания.

Не журя, не браня и сберечь, и спасти —
Сердцу матери нет расстояния.
Почтарям-голубям нашепчу я вослед
Обереги-молитвы заветные,
Чтобы в осени тихо любовью согреть
Неприметною.

3.

Звёзды осенние, звёзды сентябрьские
В чёрном полотнище неба ютятся.
Свет, в окружении лунном, вскарабкался
От фонаря за окном панибратски —
Ветром раскачанный, поднятый осенью,
В звёздную пыль превратившийся ночью,
А на рассвете мелодией-россыпью
В руки вернулся однажды — сыночком.

* * *

Веткой берёзовой, веткой сосновой,
Веткой, отломленной не до основы.
Раной залеченной, раной сквозной,
Снегом, слепящим своей белизной.
Тёплым дыханием, грустью осенней,
В боли и радости вечным спасением.
В правде и лжи спасением вечным,
Ночью безлунной и бесконечной.
Сердцем моим, каждой клеткой моею —
Сын для меня.

Диптих

Кате и Злате

1.

Листик в руки поймаешь октябрьский —
Он слезинкой блеснёт на руке.
Все мечты и надежды собравший,
Хрупким тельцем прижмётся к тебе.
И его не отпустишь, не бросишь,
В сердце именем он прорастёт.
Только верою истинной просишь:
Пусть живёт! Пусть живёт! Пусть живет!
И тепло по ладони польётся —
В капле росной сердечко стучит.
Дочка маме сейчас улыбнётся —
Силой веры, надежды, молитв.

2.

Солнца лучик оконца коснётся,
По подушке несмело взбежит.
Знаю, знаю, сейчас улыбнёшься:
Видишь, Злата твой сон сторожит.
Зайчик солнечный будет в подмогу,
Пощекочет и щеки, и нос.

Он покажет из солнца дорогу
Там, где облачко ярких стрекоз.
Слюдяные расправлены крылья.
Мамы знают — у каждой свой цвет.
Платья-крылышки каждая шила,
Вышивала любовь и рассвет.
На ладошки присядет стрекозка —
Счастье мамы, любовь и покой…
Тишина пред картиной неброской —
Светлой радости, мирной, земной.

* * *

Приходит время передать свои сады.
Кому доверить имена печали?
Запретные и сладкие плоды,
Жужжанье пчёл весеннее, венчальное?
Чьё сердце прикоснётся к Именам,
Разгладит лист и ветку не отломит?
И вопреки разгульным временам
Удержит сад на мёрзнущих ладонях.

* * *

Что бы ни говорила —
Имя твоё проступает,
Что бы ни утаила —
Печаль по воде плывёт.
Боже, что сотворила,
Будущего не зная,
Боже, за что такая
В оковы вина берёт?

Рек иссыхает русло,
Жизнь ничего не значит —
Не донести мне груза,
Покаюсь и не согрешу.
Будет тяжко и грустно,
Вспыхнет закат горячий.
Боже, уже не плачу,
За имя — ты знаешь — прошу.

* * *

Ванечке

Твоим садам расти ещё, цвести,
С жужжаньем пчёл поутру пробуждаться.
И ароматом яблочным в горсти
Всю зиму, лето вспоминая, согреваться.
Не торопи цветенье и плоды —
Для каждого своя минута жизни.
И в сердце сохрани свои сады,
Они взрастили свет Имён
родных и ближних.

* * *

Ванечке

Пламя дрожит и крылом мотылька
Переплавляется в воск.
Снова подходит декабрьская мгла,
Следом казнящий мороз.
Господи, выслушай, не отвернись —
Будет молитвой храним.
Просто ладонью к нему прикоснись —
Благословеньем своим!

* * *

Кате и Ванечке

Иди за мной. Услышишь шум берёз,
Дождя и снега, первых майских гроз.
Иди, не бойся. Долгим будет путь…
О, как надежду в сердце мне вернуть?
Шагов не слышно. Мгла закрыла свет,
Но день за днём ты не сдавался, нет.
Улыбкой бился против боли и беды,
И расцветали хрупкие сады —
Сады надежды, веры и шагов,
Ты закалялся, боль и страх переборов.
Вот журавли опять уже на юг…
Вот новый год. И завыванье вьюг…
Но каждый день все долгих десять лет:
— Иди за мной. Оставь свой робкий след.
И ты мужал, и был сильней меня,
Горел желаньем горячей огня.
И победил. И вот твой пьедестал!
— Я ноги чувствую, — ты прошептал.

* * *

В землю врастает сосна корневищем,
небо высокое крону качает.
Что в тишине этой сказочной ищешь?
Холодом дышит зима и печалит.
Бренное тело с живым и незримым
сшиты. И, кажется, неразлучимы.
В снежных оковах земные руины,
в небе плывут облака-пилигримы.
Призрачно светел покой мирозданья.
Корни и ветви — единое целое.
Вечны метания, вечны скитанья —
тенью ложатся на снежное, белое…

* * *

У каждого свой вечный, райский сад —
В нём память корни укрепляет глубже.
Сад встретит стражем у законных врат,
Моею лёгкой поступью разбужен.
Поговорим о холоде земном,
О неприкаянности в лунном свете,
О том, что шепчешь под моим окном,
И о любви, которой ты свидетель.
Пройду незримой вечною тропой…
Сплетеньем веток укрепи, как прежде.
За каждой изболевшей пустотой
На встречу снова подари надежду.

* * *

Памяти бабушки
Александры Александровны
Бабинцевой

В старом доме скрипят половицы,
И в лампадке трепещет огонь —
Всё настойчивей прошлое снится,
Не хочу отпускать я ладонь…
Вкус малины и хлеба из печки,
Запах трав на угоре крутом,
Куст рябины, огарок от свечки —
Всё вместила родная ладонь.
Я приеду в деревню, и знаю —
Будет горестно мне уезжать.
Постою на тропинке босая,
Чтобы силу земную мне взять.
Помолюсь о тебе неумело...
Помолившись, я слёзы утру
И скажу, что сказать не успела,
Замерзая душой на ветру…

Триптих

Памяти бабушки
Елизаветы Дмитриевны
Шустовой

1.

Руки мозолисты, пальцы уставшие,
Лунные блики в окне.
Времечко, время вьётся пожарищем —
Тени по чёрной стене.
Ноченька длинная, песнь заунывная
Нежно качает детей.
Сколки чуть видимы, ниточка дивная —
Сердцем её обогрей.
Словно сосульки хрустально-весенние,
В пальцах коклюшки звенят.
Утро бессонное — день воскресения —
Птиц кружевных белый ряд.

2.

Руки взлетают над сколками птицей,
Звон — ручейком серебристым.
Белою лебедью нитка струится,
Ветром несомая быстрым.

Яркой метелицей, белым сиянием —
Вмиг рукотворная свежесть.
В ней и любовь, и печаль-покаяние,
Сердцем сплетённая нежность.

3.

Белоснежной птицей сон взвивается,
И морозной лунною волной
Ноты собираются в мозаику
Нежности извечной неземной.
Крылья птицы бьются в снежной замяти,
Музыка — бушующий простор.
Бабушка вернулась белой памятью,
Выплетая ласковый узор.
Звон коклюшек, словно звёзд падение.
Снится мне хрустальный перезвон.
На одно — лишь на одно мгновение
На плечо опустится ладонь.
И, её теплом всегда хранимая,
Кружевной лелею палантин...
Птиц небесных ниточка незримая,
Сокровенных памятных глубин.

* * *

Тёте Вале, участнице войны

Чашка чайная на столе —
Майский сад несмотря на январь.
Чай покрепче, покрепче налей,
Пусть играет оттенком янтарь.

Сколько боли вместит вода?
Сколько радости выплеснет вдруг?
От войны не оставить следа
невозможно. Горечь разлук

тихим паром, да струйкой дымк*а*
Растревожит и вдаль унесёт.
Снова в небе плывут облака,
В майский сад снова память вернёт.

Чашка чайная. Яблони цвет.
Не ушла в забытье война.
Если в сердце остался след —
Живы в памяти Имена.

* * *

Дяде Пете, участнику войны

Наступит ночь. Собой укроет землю.
Мерцанье звёзд. Луна горит, не дремлет.
Нет сил найти пристанище-приют,
Где птицы на деревьях гнёзда вьют.

Нет тишины. Ни здесь, ни там — нигде.
И кони стонут голосом людей,
И кони ржут от боли и беды.
И просят пить воды.

Вы потерпите. Всё как у людей,
Но не привыкнуть к смерти лошадей.
И снова ночь. И снова на посту.
Лететь во весь опор вам не одну версту.

И гладит доктор гриву у коня.
Я вылечу. Ты не вини меня.
По силам вам все тяготы дорог,
Всех фронтовых препятствий и тревог.

И снова ночь. И звёзд паденья миг,
А конь с надеждой к доктору приник.

* * *

Тонкой мережкою рябь по воде
Кружевом пенится, берег лаская,
Словно строкою по белой судьбе
Пишет — живая, живая, живая.
Или на камень взбегает волной,
И хрусталём рассыпаются капли,
Словно извечной своей немотой
Вскружит и ветром летящим подхватит.
Облаком нежным из волн до небес,
Птицей свободной взметнуться — и к свету!
Самой красивой из юных невест —
Пусть вопреки клевете и навету.
Чистой волной кружевных берегов
Боль и печаль незаметно смывая,
Тонкой мережкою ласковых слов
Кружево пишет — живая, живая...

* * *

Ты слышал песни вереса ночные?
Коклюшки выплетают кружева.
И с перестуком нежным рассыпные,
И музыка летящая жива.
Нанизаны на нитку ноты-капли,
И перезвон коклюшек в тишине.
А утром белым чистым светом скатерти
Подобны нежной перламутровой волне.
И, словно птица выпорхнет в печали,
Рассвет разбудит скрипкой, чуть дыша,
Волной накроет сладостной венчальною —
Закружит кружево снежинок не спеша.
И лебедь белоснежный словно в сказке,
И светом вечным полнит небеса:
Их кружевница выплетает ласково,
Всем сердцем музыку из кружев вознося...

* * *

Давно оплаканы Степан и Александра,
Елизавета, Павел, Николай…
Но в сне моём, пожалуйста, не раньте,
Когда до вас дотронусь невзначай.
И бьётся птица вещая в окошко,
Как сон и явь во времени ином,
Всё ластится к ногам и трётся кошка.
И мы с тобой молчим. Но каждый о своём.
Где тот волшебный мир — через стекло сиянье,
Где покаянья дух и ангел во плоти?
Лампадки старенькой нетлеюще мерцанье,
Икона бабушки. А жизни всей — в горсти.
Я жалюсь птицей сирой. И жмусь к теплу и свету.
И прошлое жалей иль не жалей…
Но нет во мне Имён — роднее, ближе нету,
Чем имена на крыльях журавлей.

* * *

Останется ли сад наш на земле?
Или забвение да чёрный пепел?..
Раскаяться в осенней сизой мгле,
Но будет ли услышан детский лепет?
Иль ветви лишь укором прорастут
В немом саду тревожном, молчаливом,
И снова в полночь ветром обожгут,
И листья раскидают над обрывом?

Восстань, мой сад, наперекор и вопреки —
Из веры, и тепла, и состраданья,
Из полноводной радостной реки,
Из одного извечного желанья.

* * *

Яблоки спелые сброшены веткой уставшей,
И шиповник зарделся, краснея, глядит на меня.
Мне дары ни к чему. Ты прими опоздавшую
В тот далёкий, ушедший сентябрь, не браня, не виня.
Просто молча прими. Я без слова, без имени
Прислоняюсь к тебе, отпускаю, что цепко держу.
Будут сумерки вечными красками, синими-синими,
Рисовать тени счастья, манить и манить к миражу.
И забытый мой свет за спиною расправится крыльями,
Словно небо и сад — там, где яблоки молча лежат, —
Именами из вечности незабываемо вспыхнули.
Я их в руки возьму. Только руки от боли дрожат.

Переплавленные слова

* * *

Греет осеннее яблоко
Солнцем закатным.
Падают яблоки, падают
Безвозвратно.
Между землёю и небом
Яблони время.
То, что упало на землю,
Пусто и немо.
Между землёю и небом
Надвое каждый.
Жизнь прорастает в вечность
Однажды…

* * *

Переплавить слова в бессловесные камни печали:
так звенела трава, волновал аромат-травостой.
На небесных качелях луна беззаботно качалась,
и бессонница к ней так хотела попасть на постой.
А наутро трава покрывалась росой-жемчугами,
одинокий янтарь в форме сердца лежал на песке.
И шептала печаль занемевшими в горе губами
на одном ей понятном, в горячем бреду, языке.

* * *

От меня до тебя —
только имя твоё,
И водою, и хлебом.
От тебя до меня
проросло забытьё:
имя-небыль.

* * *

В этом вспененном вяжущем дне
отголоском уставшего лета
на моём запотевшем окне
лист кленовый с осенним приветом.
Словно солнышко бьётся в стекло.
Бабье лето — у самого края.
Ни тепло от него, ни светло —
будто в прятки со мною играет.
И, притихший, глядит на меня
то с укором, то с горькой усмешкой.
Добрый вестник осеннего дня
на ветру встрепенётся неспешно.
И останется жёлтым пятном,
Яркой вспышкой уснувшего лета
За моим одиноким окном
Без ответа.

* * *

Водопадом к ногам упаду,
камни сдвину с пути неземного.
Хочешь, с неба звезду украду,
чтобы стал мне роднее родного?
Мы построим невидимый мост
меж галактик чужих, неизвестных.
А по берегу травы — нам в рост.

…Нелюбовью молчащая бездна.

* * *

Снова ветви от ветра роняют слова,
слово в воздухе виснет причудливой тенью.
В этот миг ты срывал лепестки, целовал.
Я лишь веткой была. Лишь цветком. Лишь сиренью.
Дождь, когда застывал хрусталём на бегу,
и, когда ты шагами хрустел под окошком,
я лишь каплей дождя — ни секунды не лгу! —
прикоснуться желала к горячей ладошке.
Снова солнце встаёт на другом берегу,
Слово «ветер» опять превращается в «вечер».
Я песчинкой лечу, и на жгучем ветру
ты теряешь меня, что летела навстречу.

* * *

А ты не жди, что я приду весной,
Мои слова январские не тают.
И долог снег, и в небесах витает
С горчинкою морозною настрой.
Я в иней превратилась поутру.
Не нужен мне поднос и чай горячий.
И слов не надо. Я молчу и плачу.
Вот так стоят и плачут на ветру.
А ты не жди. Я не приду весной,
Январского я слова не нарушу.
И только лоскуточка синевой
Всю боль свою на землю я обрушу.

* * *

Из снега шились небо и земля.
Земля белела.
Небо стало серым.
И нити ледяного бытия
светились тенью оголённых нервов.
А снег летел и падал равномерно
и пухом согревал земли нутро.
Она же неумело леденела.
Снег падал больно, страшно и легко.
А вопль ветров
сквозь неба молоко
рвал нить моих шагов несмелых.

* * *

Что было до тебя? Бескрайняя пустыня.
И не было воды — ни капли, ни глотка.
От зноя, пустоты — былинкою бессильной,
Но как же мне хотелось тронуть облака!
На Бога уповала — вырваться из плена,
Былинкой улететь на свет издалека…
И миражом река, жизнь потекла по венам —
Ты ветром закружил — вознёс на облака!

* * *

Обещай, что меня не разлюбишь в пути:
День и ночь неразлучны на всём белом свете.
Память будет хранить, как горчила полынь,
А лицо обжигал и сушил знойный ветер.

Будет верностью лебедя клятва, легка...
Оберегом на долгие-долгие годы.
Сквозь печали и радость — огнём маяка —
Для судьбы бесприютной, что ищет невзгоды.

Обещаю, что будешь любим ты всегда —
Я нательным крестом на груди твоей лягу.
И вокзалы, с которых идут поезда,
Не признают во мне — без билета — бродягу.

В непогоду сторожкою вмиг обернусь,
Окачу в знойный день ледяными ручьями.
Я к рукам и губам твоим птицей прижмусь.
И молитвой своею, творимой ночами.

* * *

От снега до снега быстрее, тревожней —
От снега до снега живу.
И что-то становится вдруг невозможным,
На что-то с усмешкой гляжу.
И только снежинки легки, невесомы —
Им лет вереницы не в счёт.
Я носом в стекло этой ночью бессонной
Уткнусь — где там мой звездочёт?
Снежинки летают, а шаг тяжелеет —
Весомее след на снегу.
А снежная память с любовью лелеет:
По зимнему лесу бегу…

* * *

Вечерний сад уснул в моих ладонях,
На крылья бабочек молчание легло.
И только небо чёрное, бездонное
На землю сыплет, сеет серебро.
Уставших тропок тёплое дыханье
Качает звёзды где-то над рекой.
Отчаянное время ожиданья…
И это всё как будто не со мной.
Мой переход из утреннего сада
Так короток к вечерней немоте.
Начертан путь земной, и Богом задан
В своей извечной ясной простоте.

Боль земли

* * *

Стихи не пишутся, не пишутся стихи.
Совсем не дышится, и улицы тих*и*.
Печалью разгорается закат.
О Господи, что сделано не так?

Что в сказанном неправдою искрит?
А сердце, хоть и верит, но болит...
И чья рука протянута со злом?
О Господи, как строить вечный дом?

Как мне в рассвете отыскать тепло,
Когда луна стекает на стекло?
И Бог ответил. Не на мой вопрос.
Букетом роз.
Букетом чёрных роз...

* * *

Город помнит шаги по ночной мостовой,
Перестук электричек усталых.
Зачеркнуть бы слова всех губительных войн —
Да пешком, помнишь, раньше — по шпалам?
В сердце слово Донецк без прикрас и знамён,
Ещё живы безгрешные дети…
Город роз через адище страшных времён
Птицей фениксом встретит рассветы.
Родниковой водой, что чиста, холодна,
Пусть омоет донбасские жертвы,
А иначе всем нам… просто грош нам цена,
Всем молитвам, летящим по ветру.
Дай нам, Бог, преломить на помине свой хлеб,
Чтобы сердце в груди не черствело,
Чтобы город Донецк возрождался и креп —
На асфальте написано мелом.

* * *

Догорали свечи на каштанах,
май измаялся неласковый, шальной.
Помнишь, небо васильково-пьяное
сыпалось на землю синевой?
И трава пестрела незабудками —
ветром закружило лепестки.
Помнишь, говорила — не забуду я…
Солнце раскололось вдре-без-ги.
Берега обрушились и канули —
сил не хватит их соединить.
Май цветёт каштанами. И яблони
ветви тянут, как связующую нить.

* * *

А улицы в Донецке пахли розами
И небо было синее вполне.
Там «Белый аист» в утренние грозы
Нас укрывал собою в тишине.
Я снова сон притягиваю радостный
В плену воспоминаний и страстей,
Но нет. Во сне обстреливают градами
И нет давно мне от друзей вестей.
Черёмуха мне чудится каштанами,
И свечек ряд белеет до небес.
И только новости печальные, обманные
Кромсают веру в действенность чудес.
А улицы в Донецке пахли розами.
До смерти не забуду аромат.
Идут года. И между днями грозными
Уходят в вечность имена ребят.
Но будет солнце. Утренне — лучистое,
К земле донецкой сердцем прикоснусь.
И радость мира — тёплая и чистая —
Прольётся светом на израненную Русь.

* * *

Сад в ночном молчании застыл,
Ветви щупальцами тянутся ко мне.
Не расправит бабочкиных крыл
Зашумевший ветер при луне.
О, расправь мне, ветер, крылья за спиной!
С высоты хочу взглянуть на тёмный сад.
Ветер гулко отзывается волной —
Листопадом всех немыслимых утрат.
Мне растить и поливать уснувший сад —
Воздух памяти отчаянно горчит.
И слова молитвы догорят,
И затихнут у негаснущей свечи.

* * *

Тишина невесомая ночью
лунным светом сочится в окно.
Я делю это время на строчки —
как на ниточки полотно.
Плечи кутает синим испугом.
Стынет слово и вяжет язык.
Словно всеми навеки поруган,
словно всеми навеки забыт.
И рассветные лунные строчки,
потерявшие власть надо мной,
я оставлю опять многоточием
воскресающей силы земной…

9 Мая

Куст сиреневый высвечен солнцем —
плещет майскую радость в окно.
Видишь, память пока не сдаётся,
боль не прячется под сукно.
Пусть ряды с каждым годом редеют,
но Победу нельзя замолчать!
Вечно с нами пребудет, я верю —
через радость и через печаль.
Солнцем высвечен куст сирени —
майский всполох, Победы глоток.
Преклоняю пред вами колени
каждым словом написанных строк.

* * *

«Встань над болью своей».
Всеволод Остен

На меня надели тулуп —
Из холода, голода, страха,
Смерти.
Рукава дрожали рваными венами,
Истекали кровью.
Воротник
Удушливой петлёй
Сдавливал шею.
Тулуп не грел,
Тяжестью клонил к земле.
Хотелось выбраться из него
Отчаянным криком,
Стоном,
Но не было сил.
Стылое тело не слушалось,
А сердце жгло…
Жгло тысячами тел,
Жгло тысячами глаз,
Жгло тысячами сердец,

Которые остались навсегда
Без имён и званий
Пеплом
В чужой земле.
Если скинуть тулуп,
То освободишься
От боли —
Леденящей и жгучей,
Колючей проволокой
Вцепившейся в каждую клетку.
Можно закрыть книгу,
Не дочитав.
Они этого сделать не могли.
Каждая страница —
Это чей-то день жизни.
«Встань над болью своей».
Они должны
Жить
В памяти!

Курган Славы
(Смолевичи)

На ступеньках Кургана Славы
Мне сквозь обувь ступни обжигало.
Я прошла по особому сплаву —
Из отваги, сердец и металла.
Двести сорок ступенек,
примолкнув,
Прохожу,
поднимаясь до неба —
До Победных салютов высоких,
До краюшки солдатского хлеба.
На Кургане трава не примята,
Зеленеет она жизнью новой.
По ступенькам шагаю,
к солдатам —
Для поклона земного…

Ветеран

Проживая войну, забывает…
Май сиреневый снова в цвету,
но друзья потихонечку тают,
набирая небес высоту.

С этой памятью не распрощаться,
Сон тревожный не пустит домой.
Вали, Нины, Серёжи всё снятся —
каждой ночью — усталой, немой.
Каждый праздник Девятого мая
боль такая, что не передать.
Снова ветки сирени ломает
В День Победы. Своим. Навсегда.

* * *

Вот походная кружка
да корка
хлеба чёрного
на помин.
За столом и печальным, и горьким
дед поникший сидит
один.
И неважно, что семьдесят —
б*оле*…
лет Победных вошло в его дом.
Он в войне, как в тяжёлой неволе.
Куст сиреневый за окном
лепестками играет на солнце.
— Дед, прошу, позабудь о войне.
Что-то в сердце опять оборвётся —
сгинул внук в афганском огне.
На столе — снова кружка да корка,
чарка выпитой смерти до дна.
…В майский день,
и Победный, и горький,
молча дед постоит у окна.

* * *

Растворяется в белой черёмухе
Майский день свежевымытых трав.
Дед, смеясь, внука спросит —
в каком ухе
звон стоит? В правом? — К холоду! Прав!

На Руси зацветёт и замается —
Снегом, стылостью или дождём.
Ты гляди, а на озере — аисты!
Значит, непогодь переживём!

Значит, быть весне! Тёплой, заманчивой…
Дед склонился под шорох дождя.
По традиции налил в стаканчики.
День Победы сегодня! — твердя.

На Руси зацветёт и замается…
Быть Победе не раз и не два.
Это внуки в свой рост поднимаются,
Как зелёная в мае трава!

Триптих
Опалённая шинель

«Я принесла домой с фронтов России
Весёлое презрение к тряпью…»
Юлия Друнина

1.

Не война и не мирная жизнь —
Перепутаны цели и даты.
Рек кровавых дыханье дрожит
Неповинных ни в чем, виноватых…
Где глоток той свободы — беды,
Где живительный крест на распутье?
И редеют, редеют ряды
Переломанных жизней и судеб.
Было счастье. Синицей в руках.
Счастье было. И клин журавлиный.
Только горечь теперь на губах
Одинокой багряной рябины.
И разрыв уже неодолим,
Свет иной на другом побережье…
Остаёшься один на один
Без надежды. Не пулей повержен.

2.

Истовый ветер рвал тишину,
Словно война по пятам неотступно.
Реки теряли свою глубину
С каждым лучом и минутою хрупкой.
То, что написано было пером,
Срублено стало под корень.
Можно забыться, заснуть крепким сном,
Мир пока чёрен и болен.
Вечна война и извечен вопрос —
Ради чего и доколе…
Если ты жизнь и смерть перерос,
Пленником станешь невольно.
Истовый ветер терзает страну —
Ту, где стояли за пяди.
В правде и лжи — в вечном плену —
Сердце в кровавых ссадинах.

3.

В опалённой шинели девчонка
Шла по снегу, от счастья сияя,
И смеялась отчаянно звонко,
Шубу норковую презирая.
Всё богатство — Победа и правда
Боевых искалеченных лет.

Только в сердце живая отрада,
Что на свете войны больше нет.
Всё богатство — шинель с сапогами,
Вся Россия вместилась в ладонь.
Шла девчонка с войны к своей маме
И счастливей была всех мадонн.
Говорят, что в шинели не модно,
Кто презрев зачеркнул всю войну…
Лишь девчонке в ней было удобно
Воевать за родную страну.

* * *

Сколько снов беспробудно тяжёлых,
Сотни слов — на бумагу и пеплом…
И нелепо, что бережно холил,
Разлетается по свету ветром.
И проснуться бы мне в одночасье
На другой, не на этой, планете.
В нежном небе незримого счастья —
На просторе, на ясном рассвете.

* * *

И ветер выл. Холодный чёрный ветер
на белом свете — нашем белом свете.
Метался над землёй тревожный полог,
и умирали, не страшась, кто молод,
на белом свете — нашем белом свете.

Кружилась мгла. Лик ангела был светел
на белом свете — нашем белом свете.
Зловещий век окажется недолог,
вернётся верою небесный всполох
на белом свете — нашем белом свете.

Незримым остаётся чёрный ветер
на белом свете — нашем белом свете.
Касание крыла и лёгкий шорох,
и голос ангела для всех опорой
на белом свете — нашем белом свете.

Памяти погибших в Афганистане

Горы бедой содрогнулись
Больно!
Вы не пришли, не вернулись…
Матери — в чёрном!
С «Чёрным тюльпаном»
как жить оставаться?
Пятым столпом, хаджем,
Во храме ли каяться?
Мать! Чёрны одежды.
Платок цвета ночи, скорбный…
Сына святые надежды
Спят под крестом соборным.

* * *

До неба. Неба белого, морозного,
До воздуха бы — два больших глотка.
Февраль гудит метелями беззвёздными
в одеждах белых, и — под облака.
Бредёшь усталый по февральской снежности,
а песни ветра чистые, как снег.
Шагов не слышно в белой неизбежности.
Нет воздуха. Рассвет. Позёмки бег.
Так ждёшь зимы. А после в неразгаданном
всё ищешь воздух. Воздуха глоток —
О дай, февраль, ну дай, февраль, в награду мне!
…А он мне кинул белый свой платок.

* * *

Белое с белым слилось воедино,
рвётся из рук тишина.
Словом тишайшим неодолима
снежная пелена.
Ни горизонта, ни строчки-дороги,
в саване белом бредёшь.
Кто начертил это белое-строгое,
спрятал несметную ложь?
Белое с белым и белое в белом
теплятся на волоске.
Словно травинка заледенела —
душа в непроглядной тоске.

* * *

Здесь проросла пустота без следа —
всё в неё, всё превратилось.
Небо обрушилось на города.
Что это, если не милость?
Смыть и позор, и убийство, и грех —
то, что коростой врастает во всех,
в руки, не знавшие ран и мозолей, —
это в Твоей высшей воле.
Вот пустота между здесь и нигде,
память взволнованно дышит.
Хилой травинкой тянуться к воде —
к небу, что памяти выше.

* * *

Осенний сад сутулится — замёрз,
И ветки-плечи ёжатся под зиму,
Сверкнёт на ветках капельками звёзд
Свет яблок позабытых, негасимых.
Безропотно он мокрые снега
Наденет до весеннего кипенья —
Ещё вчера раздетый донага,
А нынче в ризе снежного цветенья.
Мой белый сад печали и любви,
Чернеет ствол и алчет небосвода.
Из пагубы, и радости, и лжи
Воскреснет мимолётная свобода.
И ты, испивший холод и вину,
Мой зимний сад, в оковах снегопада
Безропотно стоишь и ждёшь весну
Среди земного ледяного ада.

* * *

Синяя ночь поглотила и воздух, и время.
Не превозмочь. Слова иссыхают.
Утра дождутся. Белёсого робкого света.
Громом взорвутся. Вёслами взрежут по ветру.
Тенями сольются, и — *ко*сами наземь небрежно.
Не удержать…

* * *

Силу зимы забирает весна
таяньем снега, ручьём на дороге.
Видишь, качается тихо сосна
в необъяснимой весенней тревоге.
Тело застывшее просит тепла,
Шелеста листьев, бормочущих слепо...
Но занавешены зеркала
алым рассветом и траурным крепом.

* * *

Сквозь ажурную зелень
на небо смотря,
из земли прорастает цветок
и вдыхает весеннюю свежесть.
Заря алым цветом рисует восток.
А на западе алый
безумно больной —
и горит, и болит там земля.
И чернеет листва
под обманной весной,
застарелая песнь февраля.

* * *

Полощет время тучи в небесах,
а за чертой неволи — солнце, солнце
Качает жизнь на праведных весах
и примеряет платьице юродства.
А что ещё? Остались выдох–вдох
И ищется чему-то оправданье…
От злобы мир ослеп, да и оглох.
Найти бы слово, облачённое в молчанье.

* * *

Ты воду пьёшь, как силу, из колодца.
Немеют в несговорчивости губы.
Рассветом жгучим время обернётся
и жаждой нестерпимою погубит.
Так родником неистовым, студёным
земное чрево вдруг располосует,
но без вины и следствия казнённых
весь мир не слышит и не видит вс*уе*.

* * *

О, в том ли саду я искала в печали
Ту тропку, то дерево, яблоко то,
Где пчёлы под солнцем цветы повенчали,
И время светилось своей наготой.
Под чёрной одеждой стволов молчаливых,
Где соки стекают на землю, как кровь,
И в шёпоте листьев — ночном, торопливом —
Мне слышались стоны молоденьких вдов.
О, в том ли саду прорастут Именами,
И небо разверзнется, боль их приняв,
И станут навечно святыми камнями,
Бессмертной любовью средь яблонь и трав.

* * *

Что-то странное в мире творится,
Словно рвётся отчаянно нить.
И крыло улетающей птицы
Не мечтай даже остановить.

Пусть февраль заметает и кружит,
Дышит встречно младая весна.
И летит сквозь узор нежных кружев
Та печаль, что еще не ясна.

Перелистнута будет страница,
Повторится всё *и*з года в год —
Растворяется снежная птица
Лёгкий отблеск мгновенья мелькнёт.

Что-то странное в мире творится…
От зимы до зимы спешен бег.
Время звонкой летит колесницей
Осыпая доверчивый снег.

* * *

Ты и в горе была, и в радости,
И былинною силой полна.
И в великом просторе бескрайности —
Непроглядная глубина.
Ты и мать моя, ты и Родина,
Ты и хлеб, ты и боль, ты и соль.
И врагами бывала распродана —
Незабвенная скорби юдоль.
Всё России — и солнце, и почести.
Всё отдам — только выстой в бою.
Я словами молитвы пророчески
Воскрешения гимн пропою.

* * *

«На предпоследнюю войну
Бок о бок с новыми друзьями…»
Арсений Тарковский

И снова предпоследняя война.
Других, наверно, и не будет,
Когда в огне сгорают люди
И горьким стоном дышит вся страна.

Идут на подвиг. Забывают страх.
Идут, смеясь, по краю ада.
И время золотого листопада
Не золотом звенит в лесах...

И снова предпоследняя война.
И предпоследняя надежда,
Что жизнь уже не будет прежней,
И в тишине предстанут Имена

И светом прорастут, как прежде.

* * *

Вскинется дрожью сиреневый воздух —
Майской рукою раскинет платок,
А за садами тревожащий отзвук
Шелеста листьев, бездонных тревог.
Не разглядеть, не расслышать в цветеньи
Голоса неба, смятенья времён.
Бабочки крыльями вешают тени
Знамён.

* * *

Лишь во сне прикасаюсь я
к небесам моей Родины.
Не бросай, не бросай меня
на пути, Богородица,
Ты услышь, Ты услышь меня,
как лечу и как плачу я.
Белых яблонь твоя броня
мне судьбою назначена.
Лишь во сне по степи твоей,
где ковыль ноги в плен берёт.
И в груди список всех потерь —
даже Бог родню не сберёг.
Чёрный плат вместо синего,
и пожарищем вьётся смерть.
Не покинь обессиленных
и не дай умереть.
Лишь во сне прикоснусь к Тебе.
Яблонь цвет обжигает сон.
Ты меня отогрей в судьбе,
колокольный пасхальный звон.

* * *

Когда бездна на грудь упадёт,
Пусть удержит тебя земля.
Белоснежьем вздыхает восход —
Осыпаются тополя.
В том, чужом для тебя краю,
Где ни лета, ни вёсен, ни сил…
Из молитвы мою броню
Я прошу, чтобы ты носил.
А когда и земля не мил*а* —
Взрывом под ноги — и взревёт,
Догорает вокруг всё дотла,
Пусть укроет тебя небосвод.
В том, чужом для тебя краю,
Где ты друга собой защитил,
Из молитвы мою броню
Я прошу: не снимая, носи.
Край чужой терриконов, степей
Кровью полит не раз и не два,
Там устала земля от смертей,
Там небес чернота не нова.
Ты навстречу врагу и огню
На чужое-своё не дели.
Из молитвы мою броню,
Ради Бога, прошу, носи.

* * *

Как вынуть мне из сердца слово
И просто так отдать бумаге?
Коснуться самого святого —
Не запятнать в словесном мраке.

И будет серебром искриться,
Вплетая звёзды в шаль печали.
И в ночь тревожную молиться,
Когда другие замолчали.

Как вынуть мне из сердца слово
И кровью написать, что свято?
Оно осколком зла земного
Навеки на кресте распято —

За сыновей, за мужа, брата —
Аршином горе не измерить…
Мать сединою лишь богата,
И ей навек — любить и верить.

* * *

Держу в своих ладонях старый год —
В них уместился радостью и болью.
Декабрь одной минутою пройдёт,
И зазвенит весёлое застолье…
Душа лишь всё противится тому —
Гирлянд огни, хлопушки, пенье дружное,
А я хочу услышать тишину
Своей земли, снарядом не контуженной.

* * *

Где мне искать сегодня волшебство
И счастье мандариновое с ёлкой?
Гирлянды, фейерверки — всё не то…
И память в сердце — острою иголкой.
Звезда на ёлке и кулёк конфет,
И Дед Мороз загадочно-весёлый,
И тёплым счастьем — память прошлых лет,
И детства снег пушистый, невесомый…
Сегодня словно всё летит вверх дном —
Кому веселье, а кому-то беды.
И лишь молю я Бога об одном —
Пусть дети войн на свете не изведают.
Горит на ёлке новая звезда,
И звон бокалов в полночь будет празден,
И жив отец, и мама молода,
И мандарин, подаренный тогда,
Был настоящим, неподдельным счастьем.

* * *

Ещё одна зима. Там слякоть, грязь и холод.
Ещё одна зима… Ты только доживи.
А мир давным-давно на недругов расколот,
А хочется тепла. И света. И любви.

Я помолюсь в ночи. Ни сна, ни слёз невольных.
Всё забрала зима, февральская пурга.
Услышь меня, родной, среди звенящей боли,
Когда взойдёт звезда, когда сойдут снега.

Ты только доживи. Стучится снег в окошко.
Мне чудится, что ты. И глаз твоих прищур.
Я прикоснусь к стеклу горячею ладошкой,
Молитвою прикрою от вражьих амбразур.

* * *

Призрачен свет на больничной стене.
Бабочка села.
Словно в извечной своей немоте
Песней летела.
Руку протянешь, и станет тепло
В ночь звездопада.
Счастью поверить и смерти назло
Выйти из ада.
Выйти из сна, где потери, бои —
Заново к жизни!
А поутру за окном воробьи
Гроздьями виснут…
В окна от ветра ветка стучит —
Запах берёзы.
Сердце лишь только молчит и кричит.
Катятся слёзы.
Призрачен свет на больничной стене
Рая и ада.
Даже во сне солдат на войне —
Рвутся снаряды.

* * *

Снова ворон крылом невзначай задевает —
В небе мечется, мечется тень.
На тебя лишь, Господь, я сейчас уповаю —
Отмени, зачеркни чёрный день.
Вдовьи слёзы горьки. Слёзы детские горше —
Будет выплакан мир и покой.
И надежда на счастье под снежной порошей —
Под последней печальной строкой.

* * *

И снова на рассвете мне не спится,
А за окном февральские ветра
Листают фото — с чёрной лентой — *ли*ца,
И Имена болезненных утрат.

А город спит. Спокойно спит ночами,
Лишь сыплет снег на землю белизной.
И сколько б — ну за что?! — мы ни шептали,
Им не вернуться, не прийти домой.

Февральский ветер истовый, утратный —
Гудит и рвёт знамёна на посту.
Там спят навек ушедшие солдаты,
Поднявшись Именами в высоту!

* * *

Растает снег,
Прижмусь к земле,
И плоть от плоти
Впитаю боль
Осиротевших матерей,
Оставшихся с бедою
На рассвете.
И буду слушать
Голос всей земли,
Внимая стону
Боли, страха, горя.
Или взлечу,
Вдруг крылья обретя,
И шёпотом спрошу
Над облаками:
— Ты видишь пламя?
Горит сегодня не земля —
То заживо сгорает
Любовь живая
В разрушенном
сердечном Храме.

* * *

Я леплю из пластилина —
Руки перепачканы —
Строй солдатиков зелёных —
Строй зелёных мальчиков.
На обеденном столе битва не на шутку,
Братик просит вылепить
Маленькую утку.
Из газеты шрифтом крупным
Утка вылетает,
Безмятежность и беспечность
Незаметно тает.
Лепит сын из пластилина
Башни, баррикады.
Весточке от друга с гор
Были бы мы рады.
— Мама, мама, я читаю
«Для войны не созданы»…
Громче грома,
Чёрной вестью
Новости из Грозного.
Внук из пластилина лепит…
Может быть, не надо?

…Новости нелепые.
…Новости из ада.
…Три поколения лепят любя,
Три поколения лепят скорбя
Из надежды, мечты и свободы,
Из войн, новостей сумасбродных,
Из прошлых историй,
Из будущих дат,
Из памяти где-то погибших солдат,
Из строек больших и народных,
Из вечной любви благородной,
Из веры в себя или Бога…
Россия.
Судьба.
Дорога.

* * *

Не все печали пройдены Россией,
и радости испиты не до дна,
Где купол неба васильково-синий,
а в реках говорящая волна.
И бьётся всё тревожней и тревожней
Студёною водой святой родник.
И не любить Россию — невозможно
для тех, кто к синеве её привык.
Не все печали пройдены Россией,
и радости испиты не до дна.
Но торная дорога — ей по силам!
И светом прорастают Имена.

* * *

Молитвы, былины да песни —
Всё Русь наша, вечная Русь.
Поля, бездорожье и крестик —
Люблю. Не стыжусь. А горжусь!

И пройдено боли немало,
И битвы за горстку земли.
Вся рать на защиту вставала,
И вновь в небесах журавли.

И вновь лебединая песня
О мире, любви и тепле.
Россия воскреснет, воскреснет —
Не век ей сражаться во мгле.

Всё выстоит — силой былинной
Воспрянет врагу вопреки.
Недаром наш смелый Добрыня
Герой только русской строки!

* * *

Раскинь, раскинь мафорий*, Богородица,
Родную землю от беды укрой.
Мы неумело всё-таки помолимся
в печальной тяжести немой.
На день Покрова землю снежно-белую
(пусть жизнь начнётся с чистого листа!)
мафорий Богородицы — я верую —
спасёт.
Русь выстоит под тяжестью креста.

* Мафорий — наплечный плат, длинное женское покрывало, изображено на иконах Богородицы.

От версты до версты...

* * *

Сад становится иным на рассвете,
Ветку тронешь и поймёшь, время — пепел.
Словно снова сквозь меня пролетело,
Зацепило, теперь раной — всё тело.
Сад иной и ты иной на рассвете,
Словно вечность на росе заприметил.
Замираешь и живёшь в этой капле,
Силы на день или два, может, хватит…

* * *

Старенький храм на пригорке —
золота нет и в помине.
Ниточка веры — тонкая,
но не пунктирная линия.
Вырастет через тревогу
слово молитвы чистое.
Господи, дай в непогоду
веры и силы выстоять.
Слово вне злата и холода —
в небо, не в землю грешную,
старого храма колокол
песней возносит неспешною.

* * *

Только в чёрной реке,
Что нас держит пока на плаву,
На дверном косяке
Отражаются звёзды в углу.
Ночь слепая на травы
Хмельным упадёт полотном.
Боже правый —
Как воздух в ночи невесом...
Только в чёрной реке
Отражаются наши кресты.
И на Божьей руке —
Наша жизнь — от версты до версты.

* * *

И что мне Бог?
Возрадуюсь, поплачу…
И что мне Бог?
Вода или земля…
Не зачеркну и не переиначу,
Судьбу свою в горсти храня.
Мне каждый вдох — всё Божие творенье,
Мне каждый выдох — вечности покой.
И в горький час безудержность моленья,
И в час рассвета — вот он, Бог, со мной…
И всё мне Бог —
Веселье и печали,
И крест земной, и горе тьмы, и радость дня.
И сердце отогреется свечами
От Благодатного огня.

* * *

«Сколько правды у нас закопали!
Память вечную пропою…»
Протоиерей
отец Андрей Логвинов

Сколько лет закапывали правду,
поливая кровью и бесчестьем.
Боже, Боже, разве прав Ты —
кануло святое, да в безвестье?
Прав Господь. Но как найти смиренье?
Правда вновь приравнена к пороку.
Ниспошли Своё благословенье…
Правду откопать — немного проку,
если в жилах мутная водица,
чрево наполняется в угоду.
Пусть вспорхнёт невиданною птицей
правда из темницы на свободу.
Боже, Боже, хватит ли нам силы
устоять на вымоленной правде?

Бог ответит светом белокрылым
и любовью, что в глазах не спрятать.

* * *

Не зарекаться бы от горестей и бед,
Не зарекаться от болезней, козней…
Пусть ангела незримый, вечный след
Мне за спиною шепчет, что не поздно —
Не поздно верить, что судьба моя —
В руках надёжных, искренних, понятных —
Воскреснет из небытия
Без суетности и без клятвы.
Не зарекаюсь.
Господи, прими —
С моим неверием, молитвой и упрёком.
И, если можешь, душу сохрани —
Мятущуюся, одинокую…

XXI век

Как будто не было вчера,
И не было прогресса,
Кричала лозунги с утра
О переменах пресса…
…
А происходит-то всего:
Старушка на реке
Бельишко чистое своё
Полощет вдалеке.
Спина больная — колесом,
Живое коромысло.
Мне не найти ответа в том,
Что не имеет смысла.
И нет ни злобы, ни вражды —
Ни к недругам, ни к власти.
А просто в доме нет воды —
Вот все её напасти.
И сердце сжалось за неё:
Две тысячи двадцатый —
Полощет бабушка бельё
В воде коричневатой…

* * *

Прожив всю жизнь:
зарплата до зарплаты —
без воровства, без злата
и без зла,
Старушка ставит яркие заплаты
на жизнь свою,
пока глядят глаза.
Не ждёт старушку
яркий супермаркет,
колечко не примерит ювелир.
Старушка ставит яркие заплаты
на жизнь свою.
Беснуется весь мир...
Не веря и ни чёрту, и ни Богу,
таская воду и дрова
к крыльцу,
похвалится заплатками, ей-богу:
— Смотри, ну до чего ж они к лицу!
Не жалуется.
Даже не страдает.

И рядом
с пышной роскошью господ
заплатками всю жизнь свою
сшивает,
заплатками
сословия
«народ».

* * *

И в ночь Рождества, словно заново вспыхнув,
Светлеет душа, несмотря ни на что.
К Спасению Вечному птицей приникнув,
Отринув, что пусто, смешно и грешно…
Я только любовью Небесной спасаюсь,
И груз за плечами бесследно исчез.
Я снова иду, оступаясь и каясь.
Иду и несу мой пожизненный Крест.

* * *

Когда истаивает ночь, бесплотна и тиха,
то каждый шелест лепестка — мелодия стиха.
Когда рождается рассвет улыбкой на устах,
ярчайшей зеленью блестит и нежится листва —
величием и немотой становятся слова,
там, между небом и землёй, сутулится молва —
и прекращается. И свет из добрых, светлых рук…
Надежда, вера и любовь.
И непорочен круг.

* * *

Ляжет ли снова на сердце тепло
тайной молитвою…
Брызгами солнца сверкает стекло,
если окликнули.
Что этот глупый неверья побег?
Только забвение.
Видишь, осколок достал человек
из отречения.
Не отрекись. Только вера жива
светлой молитвою.
…Тёплым потоком — небес синева,
если окликнули.

* * *

Всё больше зовёт тишина
От шума и мелочных дней,
Где в небо стремится сосна,
Где мысли ясней. И видней
Дорога из прошлого вдаль,
Петляет среди облаков,
Стремительно к чаше Грааля
Бежит из греховных оков.

* * *

И снова день не в высоту,
А по длине Вселенной.
Пройти бы, Боже, ту версту,
Что кажется нетленной.
И мимо вечной пустоты,
Сгорая до предела —
По краю раненой мечты,
Где сердце болью тлело…

* * *

Пути развилка. Каменна спина.
И выбор есть. Хотя уже не надо…
Подспудная, грызущая вина
Глядит глазами огненного ада.

Лишь дерево, манящее вдали,
Корнями — в землю. Крепко и навеки.
А совесть что? Возьмёт и отболит.
Упрёк не будет брошен, — просто некем…

В тумане всё. И призрачен наш мир.
Но третий путь открылся на развилке —
По бездорожью. Бог его творил
Своей любовью, что всегда в избытке.

Одуванчик

Сколько шаром ни надувайся,
Сколько в белое ни одевайся —
Ты умрёшь сорняком на юру,
Не пришедшийся ко двору…

* * *

Так холодно звенит ночная мгла,
и спрятаны слова, чтоб не звучали.
Спроси себя, а что бы ты могла
на грани то обмана, то печали?
Порвётся нить всей жизни вопреки,
Кругами ада пройдено. Забыто.
…Ты устоишь у каменной реки
на светлом берегу —
Кариатидой!

* * *

Услышь меня в любое время дня,
Услышь в бессонницу и час рассветный,
Когда стою, колени преклоня,
Когда в молитве прошепчу заветное.
Да разве можно знать судьбу свою —
Что ворон чёрной меткою отметит...
Прости мне, Господи, в любом краю,
Когда на сердце волком воет ветер.
В Дивееве благая тишина...
Канавкою иду — молитву слышат.
И небо — покрывалом — на меня,
И благолепьем горизонты вышиты.
Земля тут благодатью пропиталась вся,
И голуби взлетают — птицы Божии.
Прожить бы заново, ни капли не греша...
Безгрешною — пройти по бездорожью...

* * *

Даруй мне, Господи, лишь тишину небес,
Когда другим — то громы, то раскаты.
Я буду слышать сонный зимний лес
Да шёпот трав, от нежности примятых.
Даруй мне, Господи, смиренье и покой,
Когда другим — веселье до упаду.
Я тихой речкой, ласковой волной
Пребуду для уставшего в награду.

Даруй мне слово. Только лишь одно,
Когда другим пустые в жизни речи.
Я птицей вылечу в открытое окно
В назначенный Тобою светлый вечер.
Всё крепкой нитью в жизни сплетено —
Усердием в сплошную паутину.
Но коль взлететь мне в жизни суждено —
Крыло и слово будут пусть едины.

* * *

Гляжу на сад — он вечностью измерен,
В одном ряду деревья, имена.
Не дай, Господь, болезненной потери —
Дорога в жизнь с потерями длинна…

Не дай, Господь, остаться слабой в вере
И смерть винить, и Истину Твою.
Я в рай святой, не веруя, поверю,
Былинкою качаясь на юру.

Прости мне днём неверье, немоленье.
И только ночью тихой и немой
Увижу свет за приоткрытой дверью
И преклоню колени пред Тобой.

И вспыхнет сад, надежду излучая,
Зашелестит листвою не спеша.
От горестей убежища не чая,
Оттает, потихоньку воскресая,
Моя заледенелая душа.

* * *

Мне воды бы колодезной
на глоток — холодок.
Словно взгляд Богородицы,
небосвод без тревог.
Мне бы неба высокого —
насмотреться бы впрок,
Голубино-глубокого
небосвода платок.
Мне земли бы доверчивой,
лишь в горсти, а не в горести.
Испросить больше нечего —
ни гордыни, ни гордости.

* * *

Я достану сентябрь из кармашка притихшего лета —
Пусть раскинет листву по-над городом жёлтым ковром.
Шелестят, пролетая, минуты счастливых рассветов,
И остатки тепла в бабье лето впорхнут мотыльком.
Разлетится костровым дымком вся осенняя пряность,
Позапрячет в конверты до срока любви письмена.
Я пойму и приму, что для счастья мне самая малость —
Паутинкой парящей остаться на все времена.

Звуки вселенной

* * *

Пение птицы слышит вода,
Звук растекается светом.
И попадает опять в невода,
И забирается ветром…
Кто это — звука ловящий предел,
Тот, кто на воду стоял и смотрел…
Звуки ловил у Вселенной
Вечной любви и нетленной...
Падают звуки на воду легко.
Тени от птицы, мелькает крыло,
Будет ли песня допета
Вечным мерцающим светом…

Болдинская осень

По Болдино гуляя, невозможно
проникнуться иным.
Совсем не сложно
здесь рифмам зародиться в ночь.
И унестись на крыльях прочь
от суеты и разного досуга.
И на правах сей верной музы-друга
Писать, творить и открываться миру.
И сладостью питаться вечной лиры.

И под немыслимым багрянцем листьев
Иду одна дорожкой лунной, мглистой,
Желая в осени найти приют.
…А в Болдино поэту гимн поют.

Памяти А. Ахматовой

Грохот сапог добивал тишину.
Ни строчки, ни весточки — никому…
Сердце стучало — птица крылом,
В Реквием строки писала пером.

У каменных стен — упасть и застыть,
В сумраке лжи и неправды не жить?

Но памяти всех, кто сгинул, устал,
В очередь чёрную рядом стоял,
Смерти в лицо улыбался подчас…
Ждал не вернувшихся. Ждал и угас.
В памяти пусть прорастут Имена —
Реквием выстрадан. Ночи без сна…

Марине Цветаевой

Так сложно подниматься в гору,
Еще страшнее падать вниз.
Какому истинному вздору
Есть тропки прорастанья в жизнь…
Где небо — шире неба чтобы?
Где солнце — чтобы ночью жить?
Среди людской молвы и злобы
Не перерезать жизни нить.

Н. М. Рубцову

* * *

Разве можно вымечтать такое —
над Никóлой небо голубое.
Повязать единой толстой нитью
Вятку и Никóлу тем событьем.
Каждый шаг — история и вечность.
И любовь к Рубцову — бесконечность.

* * *

Над С*у*хоной и Т*о*лшмой грозовые тучи,
А птицы запол*о*шно мечутся над кручей.
Темнеют воды. Всмотришься — а нет в них отраженья.
Всё молишься и молишься за мысли, прегрешенья.
Тьма мечется меж тучами. Увязнув в мутной глине,
утешишься созвучием лесной дороги длинной.
А небо смотрит искоса, пугая чёрной стаей...
Рубцовской боли исповедь —
дороженька
святая.

* * *

Да что ж так ноги вязнут, не хочется идти…
А ливень — вот проказник! — сбивает всех с пути.
Стою, грущу и мокну, и хлюпаю ногой,
пытаясь подтянуться на нитке дождевой.
Так переполнит душу тоска лесных дорог,
что, выбравшись на сушу, поймёшь — не уберёг
ни запаха берёзы, ни трав духмяных луг,
ни огонька с мороза, когда плутает друг.
И в одночасье душу сияньем озар*и*т —
тоскою неизбывной со мною говорит
…Рубцов.

* * *

Синие сумерки вьются над Т*о*лшмой,
звук издалёка — печалится птица.
Что же, душа ты моя заполошная,
мечешься, бьёшься в неволе синицей?
Нет ни гнезда тебе тут, ни пристанища.
Воздух так свеж, и туман по-над речкою.
Травы завянут, и осень обманная
хвост листопадный закрутит по Млечному.
Осень над Т*о*лшмой. Душа над обрывами.
Звёздное небо. Скамья деревянная.
Только берёза внизу сиротливая
веточки тянет к больной и израненной
светлой душе, что плутает и молится,
искрами сыплется в ночь звездопадную
и засыпает, устав, обездоленной —
кем-то непонятой,
кем-то разгаданной…

* * *

А над Т*о*тьмой розовый рассвет
плещется звенящей тишиной,
сонный берег и далёкий свет,
растревоженный речной волной.
Не дают уснуть или забыть
то, что душу бередит давно.
Здесь свободы хочется испить
небом, полем, речкой — всё равно.
Лишь бы надышаться, сохранить.
Пусть росточком вызревает день,
чтобы жажду песней утолить
всех родимых светлых деревень.

* * *

Закат разливался над спящей Ник*о*лой
и птицею красной зажёг оперенье.
Я тихо шагала к мосту через Т*о*лшму
к дороге Рубцова. Трава по колено.
Отзвук далёкий судьбы невесёлой
дорогой ночною итожа, продолжу:
ищу под ногами тот камень, который
Помнит Рубцова.
Ник*о*ла.
Т*о*лшма.

* * *

Тучи всё ниже, и с гомоном птицы снуют.
Ивам над Сухоной — вечный покой и приют.
Камень ли под ноги, в травах босою иду,
Ветры июльские в волнах качают звезду.
Воздухом крепким — на травах — напьюсь допьяна.
В горнице свет вдруг мелькнёт и поманит к себе.
Только июльская ночь молчаливо бледна —
Словно готовится к новой недоброй судьбе.
Шелестом листьев плетётся венок над рекой,
Запахом мяты расстелется вечный покой…

* * *

По мотивам книги Николая Коняева «Николай Рубцов. Ангел Родины»

И сотни вдруг стали друзьями,
И судьбы сплели воедино,
Но Ангел сокрыт облаками —
Лишь с Родиной он неделимый.
Толпятся у книжной полки
За право стоять поближе.
Душа — на небе осколки:
То выше над нами, то ниже.
И вряд ли Рубцову нужен
Кусок пирога послаще.
Лишь ветер над Вологдой кружит —
Дожди за собою тащит.
Прольются гневным потоком
На тех, кто толпится у полки,
Хохочущих и жестоких,
И воющих, будто волки,
И плачущих, и распятых,
Целующих его имя…
А он в небесах. Крылатый.
С любовью вечной, незримой.

Стихи Рубцова

«Я умру в крещенские морозы.
Я умру, когда трещат берёзы...»
Николай Рубцов

Ушли в небытие крещенские морозы.
И чаще дождь гуляет по полям.
Но наши русские Рубцовские берёзы
Склоняют ветви на погосте к нам.
И памяти волна заплачет о потере,
На гребень вынесет, и не найти покой.
И сквозь года, века летят — я в это верю —
Стихи Рубцова журавлями над землёй.

Николаю Рубцову

Если сказано всё и ликует неправда,
если горек напиток морозной зимы,
в знаменитых кругах леденящего ада
все слова угасают под спудом вины.
Рассыпается жизнь на печали-невзгоды,
и метелью ночной заметает следы,
но пробьётся лучом говорящей свободы
вечный зов, белый стих одинокой звезды.

Рубцовский путь

Исхожены российские дороги,
Истоптаны в столицах и глуши.
Один среди великих и немногих
Воспел деревню силою души.
Летел он ветром жгучим и холодным,
Палящим зноем проникая в суть.
Свободным, беззащитным, одиноким
Прошёл великий свой Рубцовский путь.
Исхожены российские дороги,
Обрёл своё пристанище в глуши.
И лишь стихи сквозь беды и тревоги
Поют с небес всей силою души.

* * *

«…Читаю небо, точно книгу,
и Божью милость — между строк».
Глеб Горбовский

Перечитаны жизни страницы.
Снегопадом летят мои дни.
Замолчать, оглянуться, проститься —
Журавлиной песне сродни…
То, что было в судьбе, что хотелось —
Белой строчкой на лист упадёт,
Вот и вся голова поседела —
Незатейливый лишь эпизод.
Бог подарки дарил — сокровенно.
В каждом всплеске гнетущего дня
Всё останется незабвенным —
Горячее свечного огня.
Снег последний. Он иссиня-белый.
Бог мой знает, чего я прошу —
Увести за земные пределы
Все Слова — только ими дышу.

* * *

Мирре Лохвицкой

Посмотри — всё летают бабочки,
И колышется воздух под крыльями,
И шептание пчел загадочно
Над тигровыми лилиями.
Летним зноем день расстилается,
Погружает в дремоту мятную.
Но душа молодая мается
И тоскует от всех украдкою.
И тревожно, несбыточно сладкое —
Плод запретный зреет до августа.
Жизнь такой оказалась краткою…
Мне с небес улыбнись, пожалуйста!

* * *

Марии Якунчиковой

Тонким пламенем тусклой свечки
Ветерок заиграет — струнами.
Из углов тени словно предтечи,
За окном когда вьются сумерки.

Сжат до срока твой век — до ленточки,
Лишь душа широк*а*, народная.
За окном наклонились веточки,
Будто чувствуют — весть летит скорбная.

«В землянике, во мху, да травах»
Ты нашла себе дом навечно.
Там, скучая о русских дубравах,
Ты теперь на пути — на млечном.

* * *

Нине Александровне Ягодинцевой
Челябинск, июнь 2021 г.

Я закутаюсь в сон. Тихо вечер протянет ладошки.
Ангел белым крылом раскачает на небе луну.
И погаснут в ночи все уставшие за день окошки,
Будут звёзды стеречь и баюкать небес тишину.
И на берег падёт молчаливая нежная кротость,
Холодок от реки затуманит луга под луной.
И запрячется в сон вся дневная усталость и робость —
Между светом и тенью. Между голосом и тишиной.
Сразу станет далёким и недосягаемым светом
Каждый луч, каждый всполох прошедшего яркого дня.
Раскачает венки на волнах, подгоняемых ветром,
Продолжая дразнить, зазывая меня и маня.

* * *

Н. Я.

Январской морозною бабочкой
рождается мысль в небесах,
Дыханием светлым и святочным
и мудростью на устах.
И вдруг леденеет и колется. Тает, купаясь в любви,
Теплом и душой богомолицы в строки ложится твои.
И крылья трепещут тревожно,
вобрав в себя радость и боль,
Снежинки летят осторожно на русскую нашу юдоль.

* * *

Н. Я.

«Индийские камни на смуглой руке» —
Не сон и не явь, и не спишь до рассвета,
А где-то в далёком твоём далеке
Осталась летящей ночная планета.

И сари трепещет на жарком ветру,
Ты вспомнишь — ладонь прижимала к виску,
Горячий песок под ногами…
И вновь прикоснётся крылами
Случайная тень... или пламя...

Пленительный нард, и сандал, и кускус —
И снова не спишь до рассвета.
Индийские камни… строка наизусть
Из «Амариллиса», где ты?

* * *

«…Умирает любовь от любви, и нигде
Или всюду, как призрак, идёт по воде…»
Юрий Казарин («Иное небо»)

Когда с собой встречаешься
иным
и рвёшь незримо
прежние оковы,
не вытащить
из стонущих глубин,
не взять с собой
любви багаж холщовый.
Взрастает память —
вечною травой,
Засохшей кровью
неживого сердца
вновь расцветёт,
а ты, невыездной,
иной,
самим собой,
невидимым,
истерзан.

* * *

Ю. К.

Имя травы — тебе
Именем дорогим.
Как разглядеть во тьме
неуловимый дым?
Как сосчитать его
кольца на высоте?
Не опьянит вино
в жизненной маете.
Слово — и день, и ночь —
Выболит, догорит,
но не исчезнет прочь.
Имя травы — навзрыд.

* * *

«Имя травы».
Юрий Казарин

Немой травой и прорастать, и чахнуть
сквозь твердь земли и горький воздух.
Повинной головой — на плаху,
не слыша отзвук.
Ещё — глухим,
незрячим, на ходулях.
Среди своих — чужим —
больным — иным,
травинкой на ветру сутулясь.

* * *

Под впечатлением
от книги «Иное небо»
Юрия Казарина

Иных имён незримое пространство —
так дышишь звуком вопреки всему.
И снег зимой, и дождь осенний — не напрасно:
обыденность в обычном не приму.
Иной руки неловкое касание —
и между «был» и «н*е* был» спит «не ж*ил*».
Охрипшей глотки частое дыхание
на краешке отчаявшейся лжи.

ТРИПТИХ

«Пусть говорит трава на языке травы...»
Е. Степанов

1.

Подходит время говорения травы,
Сойдут снега капризным половодьем,
Слова людей окажутся мертвы —
Ненужным и невидимым угодьем.

И пробиваясь жизнью из земли
И шелестом в ночи сминая воздух,
Траву, как будто в море корабли,
Вздымает ветер и несёт простоволосую.

И громче нет ни звука и ни слов,
И смысла нет ни спорить, ни тягаться
Всей силой говорения стихов…
Трава отвергнет молча панибратство.

2.

Голос трав так в ночи невесом,
Осязаем лишь сердцем, не спешен.
Разреши — и войдёт к тебе в дом,
Где живёшь говорлив, да и грешен…

И на утренней росной заре,
И в небесной свободе созвучий
Распознаешь язык сизарей,
Прикоснёшься к теченью излучин.

Голос трав так не спешен и тих,
Если мир замолчит на минуту…
Слов не надо искать нам иных —
Одиноких, больных, бесприютных.

3.

Вот молчание трав на заре
В небо тянется зеленью робкой.
И топтание сизарей
На проснувшейся нехотя тропке.
Всё вбирает небесная высь,
Возвращая мне в сердце созвучием.
Шёпот — к вечному прикоснись, —
Шелестит пролетая над кручею.

* * *

Е. Степанову

Бывает, цветы — отрада,
Райских садов дыхание.
Бывает, печаль не сгладят
Души, на земле израненной.
А ступишь ногой на травы —
И в небе свободной птицей
Летаешь. И нет управы,
Земля — зеленеющий ситец…
Вновь притяженьем заманит,
Нет крепче её магнита,
Вина нет пьяней и пряней
Росы, на тр*а*вах — умытых.

* * *

«…Я птица певчая полей…»
Т. Тунгусова

Вы птица певчая полей
И городов, и весей.
От ваших слов в сердцах теплей.
И мир стихам стал тесен.
Пусть не наступит тишина,
Чтоб не хватились люди…
А песнь стихов летит сполна.
И пусть их много будет.
Не важен пёрышек окрас,
Когда душа с природой.
Стихи важны, важны для нас,
Как воздух, как свобода!

* * *

Татьяне Тунгусовой

Живёт поэт —
в родном, чужом ли городе.
Под сонмом лет
от суеты оторванный.
Живёт поэт,
причастный к звуку вешнему.
Он сеет свет
И жизнь творит неспешную…
Он пишет мир —
малует яркой краскою.
Кому — кумир,
а кто глядит с опаскою…
И в строчках страсть —
с больною правдой, радостью.
На острие держась,
своим стихом как святостью —
живёт поэт!

* * *

Валерию Фокину

А давай-ка, браток, порыбачим с тобой,
Пусть река забирает невзгоды.
Плещут волны. И кажется — вот он, покой,
Независимый от погоды.
Наша лодка пока на своём берегу,
На другой непростительно рано…
Я по зорьке летней бегу и бегу,
По лугам, где белеют туманы.
Только так — на бегу, только так — наяву —
И живу, и пишу, и мечтаю.
Ну, а рыбу поймаю — ухи наварю
В котелке аж до самого краю.
Только дай мне, Господь, и весну, и тепло,
И дыханье реки за спиною,
Чтоб рука опустила на воду весло
С прежней силой моею лихою.

* * *

«Лейтенантик в фуражке
с околышком…»
А. Кердан

Очень важно, что солнца осколочки
Превратили вы в солнечный свет.
Жизнь разложена чётко по полочкам…
На вопросы дала вам ответ?
И дороги военные строгие
Зарифмованы вами в сюжет,
И девчоночке встречи недолгие
Вы собрали в семейный букет.
Уж полковник. Фуражка с околышком —
Цвет не знаю, неведомо мне…
С неподдельной любовью к Родине
И к семье —
твёрдый шаг по земле!

* * *

«…Я пойду в фуфайке важным барином
По заветной Вятской стороне…»
«…Жить всегда надо набело,
Черновик не пройдёт…»

Виктор Чирков

Душой поэт. И многого не надо.
В фуфайке важным барином прошёл,
Когда на сердце строчки, как отрада,
О том, что поле золотое хорошо!
Где золото не брякает, не губит —
Цветет мать-мачехой, и края царству нет,
Где небо голубое приголубит,
Где вдруг поймёшь, что вера — весь ответ.
Перечеркнув черновиков страницы,
Ты в зорях летних истину нашёл.
И набело стихи взлетели — птицы!
Ах, как крылами машут хорошо!
И в ясный день, как заново рождённый
И обручённый с солнцем и весной,
Пусть каждый стих, что от любви зажжённый,
Вновь прозвучит из книги — как живой.

* * *

Анастасии Порошиной

В пожухлых травах задержусь на миг —
Там россыпью осколки солнца летнего.
И только город вдалеке безлик,
И август шепчет — не замёрзни, ветрено…
И разноцветье бабочкой вспорхнёт —
Прощальный взмах от зноя, зноя жгучего.
А на душе так ветрено стаёт…
И осень приближается колючая.

* * *

Борису Александровичу
Порфирьеву
в день Порфирьевских
чтений

Костёр горит, не гаснет на снегу,
И пламя устремляется всё выше.
Ни пядь земли ты не отдашь врагу
И книг живых для нас ещё напишешь.
Душа летит за искрами костра —
Светла в ночи, до звёзд она стремится,
А в сердце разгорается мечта
И просится на волю словно птица.
Пробьётся к нам из времени росток,
Закружит словом в книжной карусели.
Согреют книги — вечный островок,
Стихи и проза — родом из шинели.

* * *

«…В душе моей гибнет в руинах
оставленный мною Советск.
Я был в нём и буду изгоем:
моя жизнь ему не годна.
Но не позабуду его я
до самого смертного дня».
Владимир Михайлович Терехов

Твой город неласков по-прежнему —
В день памяти нет ни строки.
И птицы ноябрьские снежные
Печально снуют у реки.
И здесь на холме, что над Пижмою,
Где были рассветы твои,
Я снова с подаренной книжкою
Читаю уроки любви.
Ты крыльями крепкими, верными
Взлетел над земной суетой
И смотришь с улыбкой, наверное,
На город, что был маятой.
Не выбросишь Родину малую,
Что кровью по жилам текла.
Осенняя песня усталая
Взвивается под облака.

И искрой, не гаснущей в вечности,
Вернёшься к истокам своим.
На млечном пути бесконечности
Любовью и жаждой томим.

* * *

Памяти
Екатерины Авенировны
Дьяконовой

На пороге другого века
Не погаснет звезда человека,
Горящая светом любви,
Даже если она вдали —
Улетела из отчего дома.
Навсегда ушла,
Не к другому…
Только свет продолжает гореть,
Побеждая в ночи слово смерть.

* * *

«…Листья падают, отгорая…
Обновляется всё на свете…
И опавшей листвой играя,
Бродит где-то весенний ветер».
Екатерина Дьяконова

Ветры гуляют ночными полями —
Сеют ненастье, дожди и метели,
В память врываются и между снами
Шепчут и плачут, как дни опустели.

Лист опадает, сгорая и тлея —
Опустошая и сердце, и душу;
На почерневшей осенней аллее
Тихо шуршит, тишину не нарушив.

И в тишине — молчаливо-печальной —
Строки стихов вдруг опять зародятся.
Голос поэта из таинства — тайны —
Вновь зазвучит без прикрас, без оваций…

* * *

Из тверди, и глины, и чернозёма
выдохом длинным, вдоха лишённым,
в туманную дымку — живую, звучащую,
где станешь незримым, над миром летящим —
небесный приют для смиренно-затихших,
в молчании звёзд ничего не забывших,
а птицы клюют спелые вишни
на грешной земле,
на которой ты лишний…

ДИПТИХ

Игорю Русских

1.

Я не знаю, что сердцу дороже:
Вятский край или тундра немая...
Только все же с берёзой похожи —
Песни Игоря душу ласкают.
И когда зеленеет листвою,
И когда листопад увядает —
Выбирать между ними не стоит,
Сердце в нежности плачет и тает.
Белоствольные в радости, в горе —
Вы изящней моделей французских.
Шелест утренний — вятское море!
Вы воспеты Игорем Русских.

2.

Дышала музыка, и плакала, и пела.
И раздвигала стены широтой души,
А снегопад на город оголтело
Всё сыпал, сыпал ворох чепухи.
И белое укрыло безвозвратно,
Но музыка летела вопреки...
Живёшь и дышишь музыкой приватно —
Аккорд и ты. Две ноты. Две строки.

* * *

Игорю Русских
15.12.2024. Советск

И вновь снега легли на все поля,
Мохнатой лапой город принакрыли.
И льётся песня, вдаль меня маня,
Возносит к небесам на крыльях.
И снегом став на миг, на час, на два —
Кружусь в воспоминаниях снежинкой…
А музыка, что радостью жива,
До счастья доведёт своей тропинкой.
И будет голос твой над городом лететь —
Могучей силой, нежностью, любовью.
Ну как не петь? Когда нельзя не петь…
Отдав всю душу Вятскому раздолью.

* * *

Сергею Саранскому

«Нам лижут пятки языки костра»,
Неласково, сурово обжигают.
Крадётся мысль, обманчиво остра —
Как ворон, вскружит вихрем, растерзает
Тревога от палящего огня,
Когда готов пред небом наизнанку,
И не пришпорить буйного меня,
И не придумать для меня стоянку
Роднее той, что дышит за рекой,
Что над лугами выткалась туманом,
Где каждый день — одной живой строкой,
И ночь — незримой музыкой шаманов.
Где искрой пасть — не значит умереть.
Коснуться неба огненным мерилом,
Костром в ноч*и* замёрзших обогреть,
Я слышал — ты об этом попросила…

* * *

Николаю Малкову

О, как земля податлива, тепла —
Ступаешь и вбираешь силу дедов.
Луга в росе и заполошные снега —
Твой долгий путь и труден, и неведом.
И твердолоб, порой наперекор.
Надежда лишь в глазах твоих искрится,
Но нет предательства, не слышится укор...
О, как нужны нам в жизни эти лица!
Хозяином идёшь ты по земле —
Хозяин слова, дела и удачи.
Болит лишь сердце, где-то в глубине,
Неразрешимой вечною задачей.
Открытый взгляд и сильное плечо —
Немного на Руси таких найдётся.
А сердце бьётся гулко, горячо —
Лишь о земле оно и плачет, и смеётся.

* * *

Здесь все рядком. Нет распри из-за наций.
И в каждом свет, исчезли все враги.
К душе чужой могу я прикасаться,
Меж вечных книг наматывать круги.
И в тишине уютно и тревожно.
Переместив во времени судьбу,
С улыбкой разливаю чай вельможам,
На абордаж с матросами иду.
Здесь на закате, в сумрачное время,
Реальность поглощают миражи.
Стоят рядком великие творенья,
И нет меж ними окровавленной межи.

* * *

Тихой водой в твоё небо паду —
Тропки, извилины, русло дорог…
Солнце закатное, словно в бреду,
Плавится, жжёт одиночеством строк.
Выкроить слово из капель воды —
К сердцу прижать, не давая остыть.
Выманить в свет и оставить следы —
Доплыть…

Небес глубина

* * *

Разорвана тьма. Всполохи света — распятьем.
Вечность нема. Объемлет невидимым платьем.
Живительный крест землёю, водою и небом
ещё не исчез с горизонта. И мне бы
припасть, причаститься. Из вязкой гнетущей неволи
сгорающей птицей взлететь над своею юдолью.

* * *

Небо у всех разное —
Длится ли днями праздными,
Льётся ли ливнями слёзными
В чёрные дни да грозные.
Небо — кому-то мечтание,
Мачты над морем качание,
Птицы во тьме парение,
Небо стихо — творение.

* * *

Дыханье тьмы, рождая тишину,
крадёт меня из яркости дневного.
И одиноким камешком ко дну
я в сетке сна лечу бессильно снова.
А донный холодок необорим
ни берегом, ни волнами с накатом.
Но лунный след, как стелющийся дым,
укажет путь неведомый куда-то.

* * *

«Это на том берегу» —
Дрогнуло слово.
Светом его сберегу,
Словно осколок,
В кровь расцарапает звук
Мысли и сердце.
Речкою время разлук —
Не согреться…

* * *

Словно пыль прошлогодняя — воздух,
Словно небыль связала язык.
Пересохшие губы отзвук
Отпускают, обходят азы.
И летит то ли стон, то ли выдох…
Вдох — и глотка забита песком.
Где на свет отыскать снова выход?
Просто ликом на шаре земном
Остаёшься…

* * *

Августовские ночи
Тёмные,
Тревожно-молчаливые.
Вздрогнув от стука
Упавшего яблока,
Встрепенётся дерево,
Зашуршит по-стариковски
Подсыхающими листьями —
Будто считает дни и ночи.
На одно лето
Жизнь короче стала.

* * *

Бегущее время врастает в деревья,
листвою весной распускаясь.
Согреют мне сердце, собой поглощая
безумный неумолчный хаос.
Сойдёт суета — что весной половодье,
оставив мечты и надежды,
Так робко плывут облака в небосводе —
прошедших минуток одежды.

* * *

Дождь ночной стучит по крыше,
Я пишу слова.
Это песня — слышишь, слышишь?
В небе острова
В тучи собраны аккордом —
Гром на землю пал.
На листах, слегка потёртых,
Светится кристалл.
Нотный дождь меня укутал,
Выманил слова.
Облака плывут этюдом —
Музыка жива…

* * *

Не отречься от снега белого, —
Растопить до горячей воды.
Где же день, что смелее смелого,
По которому плачут следы?
И слова, что по каплям вынуты,
Мне ладони огнём обожгут.
Если слово бессмыслицей вымыто,
Не солги, что меня ещё ждут…
Не солги, называя по имени.
Снежной замятью и куржаком
Столько лет
столько зим
молча стыну я
За чужим индевелым окном.

* * *

Бабочка крылья расправит,
Вечером синим взмахнёт.
Пряные пьяные травы
Льют аромат словно мёд.

Дышишь и падаешь в бездну.
Счастья ли, горя ли век…
Если исчезну, воскресну
Бабочкой белой, как снег.

Бабочкой вновь легкокрылой —
Нет ни цветов, ни полей —
Будет лететь, обессилев,
Снег с серебристых ветвей.

* * *

Искры остры у костра,
Веет ночная тоска.
Словно луны мотылёк,
Отблеск на землю прилёг.
Искрами режется тьма
На силуэты холма.
Вытянуть ночь до зари —
Словом костра говори.

* * *

В светлой воде не вода,
В неводе плещет беда.
В руки не взять — уроню,
Слово подвластно огню.
Выстудить на берегу —
Перед водою в долгу.
В неводе сердце в плену —
Ищет небес глубину.

* * *

Через месяц н*а*бело
Жизнь займётся.
Через месяц н*а*леди
У колодца.
Что чернело замертво
В сердце стужей —
Отболело заревом,
Иней в лужах.
Набело по наледи
Ветер ночью.
Оглянуться надо ли?
Стая волчья…

* * *

Засохшей веткой яблони в саду
Остаться на миру невзрачной.
Не рвать судьбу, не накликать беду,
Когда истошно и кричит, и плачет,
И истекает вечностью вода —
Осенним ливнем горького похмелья —
Сломаться от горячего стыда,
Одну лишь мысль о всепрощении лелея…

* * *

Снова очнёшься в деревне,
Где воздух и свет белокрыл.
Глядишь, и больное задремлет
И камнем в реку — что забыл…
Так сердце омыто водою
Проточной — по камню скользит.
Глаза на минуту открою —
Соринка до смерти пронзит.

* * *

Вытяну нитку луны —
Звёзды на небе видны.
Крошатся в руки с рассветом
Песней в ночи недопетой.
Падают в воду. Круги.
Так нарастают долги —
Много не отдано тем,
Видится кто между стен.

* * *

Листом осенним оторваться от основы
И быть во власти ветра, его рук,
И стройный ряд зелёных и еловых
Не друг уже. Да, да, уже не друг…
Лежи один, истоптанный ногами.
Свободы нет — придавленным к земле,
Но любоваться в небе облаками
Ты можешь лёжа на земле вполне.

* * *

Опрокинется небо в озеро,
В камышах заплутает до вечера,
Я возьму закат в руки розовый,
Птица выпорхнет — незамечена.
Задрожит и задышит озеро,
По воде пойдёт рябь печальная.
Впереди ещё сколько осеней…
Впереди ещё сколько отчаянья…
В небе озеро отражается,
Облаками пенными мечется.
На одной ноге стоят аисты.
Воскресает моё отечество.

* * *

А в небе ни дорог и ни холмов —
Сплошное бездорожье с облаками.
Каким созвучьем молчаливых слов
Найти приют, невыпитый глотками?

Глотками боли, страсти и вражды…
Убогой стать, невидимой и нищей,
Чтоб посреди немыслимой нужды
Ты стал моим пристанищем, жилищем.

И голубями сизыми вилось
Родное слово покаянья в сердце.
Земля и небо, испрошитые насквозь,
Твоей любовью искренней, бессмертной.

* * *

Дышу вечностью до последнего вдоха.
Вечность дышит мной до последнего моего выдоха.
И никакого в этом подвоха,
И никакого выхода.

* * *

Сяду на берегу. Жду разговора с рекой,
Свет от звезды берегу — в ладонях держу над водой.
Плещется слово, летит. Бьётся о берег волной —
Теченье речное молитв слушаю, ставши немой.
Только нет силы в ответ вымолвить слово своё.
Тянется сердце на свет — туда, где звезды остриё…

* * *

Говори, говори, вода…
Видишь, свет от звезды во мгле.
Неподъёмная тонет беда,
Да молчанье бредёт по земле.
Пусть ни звука, ни слова в ответ.
Говори, вода, говори.
Плеск волны, на песке новый след…
Нет, не смоет уже, — смотри!

* * *

Качнулась осень в сторону зимы,
Ноябрь чернеет день за днём без солнца.
В своих словах невыносимы мы,
В тоске скрывая платьице юродства.
А что есть свет? Чьё слово вопреки?
Иль по теченью — так всегда привычней —
Среди невнятной раненой строки
Явиться в платье, что всегда прилично…
Ноябрь зияет громкой пустотой
И снега ждёт. Белее снега, — снега.
И над пожухлой, скомканной листвой,
Не точку ставя, оставаясь запятой,
Даёт сближенье и земли, и неба.

* * *

Не видится ни света, ни зимы,
Не спрятаться от шума в чутком сне.
О, если б стали все на миг немы —
Морщинкою на белой простыне.
И снег разгладил бы, заметивши её,
Не дав и слова всем явить на свет,
Укрыв собой осеннее жнивьё,
А остальное — суета сует.
Всё на миру кричит, кричит, кричит —
О зле, добре — кто громче — не понять.
А снег на землю падает. Молчит.
И вместе с ним мне хочется молчать.

* * *

Не забыто, испито, не брошено —
Камнем в землю навеки вросло.
Белоснежьем глаза запорошены,
Только в сердце холодный озноб.
Белый снег. Он истопчется заново —
Рассыпая и ночи, и дни…
Всё прошло. Всё желанное, странное.
Говорю себе
— Обмани…
Обмани же хоть раз и по-смелому —
Словно набело заживи.
А шаги по декабрьскому белому
Достают до вчерашней земли…

* * *

Я долго шла по снежности земной,
Запутаны следы тропинок между нами.
И звёзд сиянье между мной, тобой
Я собирала в сумочку горстями.
В ладошки вам я положу тепло
Ночной звезды, сверкающей, далёкой…
Пусть будет в жизни вам уютно и светло,
И путь осветится луною златоокой.
Всех звёзд не счесть. Ни вам, ни мне, ни им…
Лишь уловить нам свет ещё под силу.
Давайте вместе радость сотворим —
Запустим в космос. Пусть летит по миру.
И россыпь звёзд в ночи на небесах
Вдруг засияет миром, счастьем вечным.
На Вятских заискрившихся снегах
Откроет путь загадочный и млечный.

* * *

Нет, не уйти за ветреной толпой —
Лететь листом, не падая на землю,
К воде прильнуть на горький водопой
И шелестеть, что страха не приемлешь.
Не пасть пред темнотою, ниц не пасть —
Не это ли награда и спасенье?
Где волчий вой, разинутая пасть
В тебе лишь вызывают омерзенье.

* * *

Моя зима — она совсем иная.
Холстом дорога белая лежит,
Метель бушует, зиму ублажая,
Завьюживает слово «жить»…
Иная в чём?
В молчаньи, беспробудности, побеге?
Лёд, застывая, плавится в тепле.
И лишь следы на прошлогоднем снеге —
Как сердце, обнажённое в толпе.

* * *

Февральский день немой.
Не мой, не твой, сутулый.
А снег идёт стеной
И сковывает скулы.
Так морщатся слова
От холода ночного.
И снова тетива
Натянута струною.
Не мой, не твой, немой —
Земля и небо вровень.
И путь у стрел иной,
И ропот слов бескровен.

* * *

Я помню дорогу — вела под откос к роднику —
Там земли кончались и Вятка летела стремглав.
Вода ледяная студила и руки, и нос —
Из вёдер плескали, смеясь и отбросив свой страх.

Потом по горе не под силу поднять нам ведро…
И мы, расплескав половину живого огня,
Домой приносили на донышке серебро —
На солнце горящего, яркого, летнего дня.

Но время съедает и горы. Равняет с тобой.
Родник еле слышно журчит на исходе цветущего дня,
А я по привычке по травам колючим босой
На голос бегу, что о камни так бьётся звеня.

И нет мне вкуснее напитка и слаще воды.
Пригоршни подставлю — и силы прибавит вода.
И крылья стрекоз из прозрачной блестящей слюды
Весь мир в серебро превратят для меня навсегда.

Переводы

Елена Афанасьева
перевод с коми языка

В Важгорте

Глазниц пустых печаль неутолима
Домов, осиротевших навсегда.
Пророчат, машут мне вослед незримо —
Не разобрать, но в этом ли беда…
Уставший ливень сник на бездорожье,
И сумерки разлиты тишиной.
Я к тёте Лиде очень осторожно
За молоком прошлёпаю босой.
Дом нежилой с укором иль тоскою
Мне душу на ночь вновь разбередит.
И словно с Олей, Олечкой, сестрою,
Идём вдвоём. А дом не спит, глядит.

Елена Афанасьева
перевод с коми языка

* * *

В знойный день надену в мыслях ветер-платье,
Улечу за речку на далёкий луг.
Шелестом травы я упаду в объятья:
— Как же я скучала по тебе, мой друг.

Потеряю имя, потеряю отчество
Среди разноцветья и дурман-травы.
Как прозрачна речка в мире одиночества,
Омывает камень, просит: не боли.

День и ночь печалится — распевает птица.
Положу на берег собранный букет.
Оттого, наверное, грусть-беда стучится —
К берегу не выйдешь через толщу лет.

Елена Афанасьева
перевод с коми языка

* * *

Ручеёк иссыхает — скупые, солёные капли:
Слёзы горько, тайком сквозь ладони стекают из глаз.
Мир во мне потускнел — я незрячею стала внезапно,
И душа умерла, дав росточек огню, чтоб не гас.
Закрываю глаза, и пусть мир меня не потревожит,
Сердце зрячим становится в сумерках бездорожья.

Елена Афанасьева
перевод с коми языка

Разлука

Я тебя отпускаю туманом —
Белым-белым густым молоком.
Между мною и новым романом
Ты рассыплешь листву под окном.

Прорастёшь вдруг плакучею ивой
Над весенним бурлящим ручьём.
Вспомню, как зажигал ты красиво
Счастье с примесью боли огнём.

Птицей вещей стучался в окошко.
Я цветы не несу теперь в дом.
И, глаза прикрывая ладошкой,
Удержу свой нечаянный стон.

Летний сон и тревожен, и сладок.
То, что было, уже не вернуть.
Мы испили усладу и радость.
Снова дождь. Мне опять не уснуть…

Елена Афанасьева
перевод с коми языка

* * *

Время стремительной птицей
Кружит по жизни меня.
В озере рябь вереницей —
Всплески печального дня.

Времени сильная птица,
Взмахом крыла подними —
Жизни моей колесница
В вечном саду прозвенит.

Сильная птица безвременья,
Всею душою с тобой —
Именем непотерянным,
Вечности мигом, мольбой.

Елена Афанасьева
перевод с коми языка

Покров

Как живёшь без меня, скажи.
Село Важгорт, приди в мой сон
Белым лебедем в миражи —
Колокольный божественный звон.

Пусть душа легкокрылой летит
И омытой святою водой.
Оберег из небесных молитв
Пораскину, любя, над тобой.

Зачерпну силы здесь, у тебя.
Ты Богиня и вечный мой дом.
Бесконечно любя и скорбя,
Снег покроет с небес серебром.

Белым лебедем станет село,
Важгорт встретит морозный рассвет.
На душе и тепло, и светло —
В день Покрова идёт первый снег…

Елена Афанасьева
перевод с коми языка

* * *

С папой танцевали венский вальс —
Головы от счастья закружило.
Миг волшебный в вечности не гас,
Солнце по ногам лучом скользило.
— Папа, папа, как вернуть тот день
И в руках надёжных затаиться?
Лишь во сне мелькнёт, быть может, тень —
Журавлей осенних вереница.
Снова вскружит головы нам вальс —
В небеса душою мы взлетаем.
Пусть бы вечно музыка лилась.
Сердце птицей бьётся, сладко тает.

Алана Бестаева
перевод с осетинского языка

* * *

О чём просить? Что высказать судьбе?
Что прошептать сквозь слёзы тихо-тихо,
Когда от боли в сердце ослабел
И в горести не видишь к свету выход?

Молитва птицей рвётся в небеса —
Словам и сердцу в клетке стало тесно.
Душа, что родниковая слеза,
Из боли и страданий вновь воскресла.

Молитвой тайной, искренней своей
К тебе я, Боже, с верою взываю:
Мне сердце беззащитное согрей!
Ты милостив — я это точно знаю.

И прикоснётся Бог к моим губам,
С мольбой отдам я дорогое имя...
С надеждою ли ты приходишь в Храм?
Чьё имя для тебя неугасимо?

Мирза Магомедов
перевод с лакского языка

* * *

В твоей улыбке, милая,
Весна ли притаилась?
Твоя улыбка, милая,
Цветами распустилась.

Я улыбнусь светло в ответ —
Теплом тебе отвечу.
И в лёд закованный букет
Распустится в тот вечер?

Твоя рука в моей руке —
Доверься силе нежной.
И горе вот уж вдалеке,
И радость неизбежна.

Мирза Магомедов

перевод с лакского языка

* * *

Я в глазах твоих утонуть готов,
И в бездонность их я взгляну без слов —
Нет ни возраста, ни прошедших лет,
Отраженьем в них буду я согрет.

Искаженье есть у кривых зеркал,
Я в глазах твоих лишь ответ искал.
Но смеёшься ты, говоришь — не верь
И обман зеркал на себя не мерь.

Мирза Магомедов
перевод с лакского языка

* * *

Переполнено сердце любовью,
Одному не под силу — шепчу.
Я и ножницы приготовил —
Нить из шелка разрезать хочу.

Мы поделим любовь меж собою,
Для двоих этот груз нипочём,
Крепко-накрепко нитью тугою
Полотнище любви мы прошьём.

Мирза Магомедов
перевод с лакского языка

* * *

Уколола взглядом враз —
То иголки твоих глаз?
Веки ты зашила мне,
Свет исчез и я во тьме.

Без тебя и свет не мил,
Образ твой меня пленил.
Мне не видеть глаз чужих —
Это власть твоя — скажи?

Мирза Магомедов
перевод с лакского языка

Чёрные глаза

Я не властен над собою,
День и ночь мне нет покоя.
Провожаю взглядом нежным —
Сердце рвётся без надежды.

Третий день стою у дома,
Красотой твоей влекомый.
Жду тебя — а вдруг увижу
На минуточку поближе…

В облаках не видно солнца.
Разглядеть бы сквозь оконце…
Нет с тобою встречи мне —
Встречи солнцу и луне.

Расмия Ашурбекова
перевод с табасаранского языка

* * *

Жизнь моя реке подобна —
Годы как вода.
Словно вечностью холодной
Веет иногда.

Опустился тенью полог,
Рядом нет друзей.
Путь земной тяжёл и долог,
Обувь всё старей.

Получить хочу от жизни
Хоть какой-то прок.
Стрелки времени капризны —
Очертили срок.

Салимет Майлыбаева
перевод с ногайского языка

Золото

Солнца луч коснулся пальца — нет на нём кольца,
Потеряла, потеряла — плачу у крыльца.
Молока бледнее стала — жаль мне красоту,
По следам ищу устало, разум как в бреду.
— Не жалей, — подруга шепчет, — милая Алтын.
Разве с тем кольцом сравнима боль земных руин?
Разве стоит боль потери боли всей Чечни?
Разве ты кольцом заменишь чёрные все дни?
Не вернуть детей Беслана, что в земле сырой,
Не залечит сердце раны — не найти покой…
Забывая о потере, слушаю Алтын.
И слова её простые — горькая полынь.
Так мала моя потеря. Золото — всё тлен,
Детям милость дать прошу я золоту взамен.

Салимет Майлыбаева
перевод с ногайского языка

Прости, Земля

Прости, Земля. За всё прости нас, грешных —
Бездушных часто и в делах поспешных.
Ногами топчем, воду забираем,
Сады твои — для нас счастливым раем.
О, как земля тепла и терпелива —
Всё выдержит без гнева, молчаливо.
Богат ли, беден, плох или хороший —
Поднимет всех, накормит из пригоршни.
Нам ей бы поклониться, да — Спасибо…
Как мать оберегает от ошибок.
Прости нас, ненасытных и бездушных,
К твоим богатствам так неравнодушных.
Тепло с тобой. Очаг ты наш и пламя,
Разбудим мы свою любовь и память.
И сбережём, и будешь ты любима.
Поверь ещё, что нами ты хранима.

В этом разделе выдержки из рецензий и отзывов на мои стихи и книги.

Благодарю за прочтение и видение мира автора.

Рецензии, полученные на стихи и книги

Поэзия Галины Шубниковой — открытая, экстравертная, яркая, ясная, земная, природная, полная света и тепла. Это человеческое тепло драгоценно. Его важно не растерять. Работая над поиском единственного, точного слова, важно не утратить полёта мысли, огня живого чувства, спектра эмоций, что наполняют и заполняют, как звезды галактику, весь объем стихотворения.

Елена Крюкова,
поэт, музыкант, литературный критик,
член СПР

Ну, Галина, прямо поразили! В самом хорошем смысле. Это настоящее мужское стихотворение друга. Как Вы прониклись таким чувством, не вполне привычным для женщины: и бесшабашность порыва, и радость воли, и возвышенная лирика, и земной быт. Ей-Богу, спасибо от всего сердца, рвущегося туда — к реке и воле!

Валерий Фокин,
поэт, член СПР г. Киров
о стихотворении «На рыбалку»

«И нитью вновь связать незримой…»

Галина Шубникова не пытается притвориться тем, кем не является, но через личный опыт и переживание она выходит на более высокий уровень поэзии, говоря об одинаково важном и близком для сотен женщин, живущих и живших в нашей пожароопасной России.

Лучшими стихотворениями следует считать те, где, поднимаясь над личными переживаниями, автор выходит на важные для всех темы. Память о предках, любовь к родному дому или материнская судьба — если Галина Шубникова обращается к таким непростым темам, это значит, что её поэзия переходит на более высокий уровень, поднимаясь над частной и личной лирикой. И становится знаком поэзии, способной преодолеть случайность времени и связать «незримой нитью» всех живших и живущих в России.

Алексей Панин,
кандидат исторических наук,
выпускник Литературных курсов
при Академии культуры Челябинска.
Поэт, прозаик, член СПР,
руководитель литературной мастерской
при Публичной библиотеке г. Челябинска

Есть поэзия, оторванная от реальности. А есть та, что становится отражением жизни простого человека, коим является автор. «В листопаде моём — годы, месяцы, дни», — говорит на страницах сборника «Нарисую стихи листопадом» наша современница Галина Шубникова. И в них скрыта сама суть этой книги, ставшей откровением, с которым писательница обращается к своему читателю.

Все темы, которые поднимаются, неразрывно связаны между собой. Все времена, которых касается Галина Шубникова, соединяются в одно целое. Все события, все поколения, все эмоции — это части общей картины.

Ирина Малкова,
поэт, член СПР

Волонтёр красоты

Взять, например, живописную и ни на что не похожую Вятку — Кировскую область. Много ли хороших современных тамошних поэтов сейчас на слуху? А они есть. И один из них — Галина Шубникова из города Советска.

Автор тонко чувствует родную природу — кажется, такое сейчас возможно только вдалеке от столиц. Вятские неброские пейзажи встают перед глазами читателя зримо и явственно; подобные строки не выдумываются, они видятся, проживаются.

У поэта есть солидный послужной список творческих достижений — три книги, ворох публикаций в толстых литературных журналах, победы и призовые места в целом ряде отечественных литературных конкурсах…

Её диапазон тем необычайно широк — от пронзительной любовной и религиозной лирики до строк, пропитанных высокой гражданственностью и подлинным, корневым, а не казённым патриотизмом. Который поэтом опять-таки прожит и выстрадан. Мир трагичен онтологически, а мы, люди, всемерно умножаем скорбь на земле. И лишь немногие пытаются

собирать камни вместо того, чтобы разбрасывать их. Один из таких волонтёров красоты — вятский поэт Галина Шубникова.

Иван Родионов,
литературный критик

Поэзия Галины Шубниковой говорит словами простыми и о вещах понятных. Слог стихотворений в авторском сборнике «Морозное яблоко» настолько прозрачен, что страницы кажутся стеклянными на просвет, но, вглядываясь в эти инистые стёкла, читающий сталкивается с необычным оптическим эффектом — картинка за рамочкой стихотворения кажется слегка нечёткой.

В стихах Галины Шубниковой, как в знакомом дворе возле дома, всё значимо, осязаемо. Благодаря мелочам повседневности читатель стихотворения наяву увидит полёт — для этого нужны самодельные качели; легко найдёт радость с запахом пыли и ветром в лицо — кто не знает, как много в детстве дарит старенький велосипед: *Меж берёзок взлетают качели, / И валяется старенький велик*. До чего же всё это знакомо… В стихотворениях Галины Шубниковой есть узнаваемые вкус, цвет, запах. И благодаря авторскому умению соединять на одной оптической линии отдалённые предметы, у провинции появляется голос–«звон колокольно-серебряный изнутри». А автор получает право говорить уже не от себя лично, и его жизнь скручивается-сплетается с судьбой многих.

И может открыть людям найденное — через боль сердца, сквозь бессонные ночи. Поэзия Галины Шубниковой — скромное признание того, что любой пишущий стихи только прикасается к чуду, и каждый читающий

может сам проверить точность глазомера автора, открыв книгу. Яблоко зимой становится чем-то большим, чем просто десертом; стихотворение, с морозной свежестью вечности, говорит уже не только словами. И сквозь морозный узор и холодные стёкла в горницу входят звёзды.

Алесей Панин,
поэт, прозаик, член СПР,
кандидат исторических наук.
выпускник Литературных курсов
при Академии культуры Челябинска,
руководитель литературной мастерской
при Публичной библиотеке г. Челябинска

Поэт веры в то, что красивая песня не закончилась (Рецензия на книгу «Вятская тетрадь»)

У Галины Шубниковой мотив неумирания до конца, тлеющей, теплящейся надежды цветаевски вьётся и длится из произведения в произведение. Например, из посвящения сыну: «Веткой, отломленной не до основы». Очень тянет здесь сказать: лирический герой… но упорно говорится: поэт. Это черта характера не выдуманной героини, а именно поэта, человека, стоящего за страницами этой книги. Сохранять, беречь, верить, не давать умереть и закончиться. В этом и есть одна из главных поэтических функций: продлевать, продолжать что-то.

«Я все равно ищу усердно след» — это диалоги в стихах. Неважно, ушедший ли человек, живой ли, родной, незнакомый — стихи пишутся только близким. Вот муж, а вот поэт Рубцов, вот мама и папа, а вот Мирра Лохвицкая. И Лесотехникум, и милые медсёстры. И, наконец, «Арабески» — собрание некоторых эпизодов, не вошедших в остальные рубрики. Пытаешься увидеть у поэта главную тему, объявить, поэт чего он… и не можешь, потому что поэта волнует, терзает, греет и вымораживает такое разное. Поэт Шубникова — это поэт веры в то, что красивая песня не закончилась, понимаете? А в песне и зефир из детства, и ласковое море

у горы Аю-Даг, и войны никакой нет, разве что дети играют в войнушку, лепя зеленых солдатиков из пластилина, и тропка в первую школу еще не заросла, и ручеёк пытается сбежать из лужи… Вот такая песня звучит. И, прочитав эту книгу от первой до последней страницы, читатель тоже может её услышать. В ней много слов, они разной силы, но среди них нет хилых, лишних или таких, от которых хочется отвернуться.

Стефания Данилова,
поэт, продюсер, критик,
лауреат литературных премий,
автор 20 книг, член правления
Санкт-Петербургского союза литераторов

Есть поэты-фантасты, пишущие о драконах и единорогах. Есть поэты-урбанисты, воспевающие небоскрёбы из стекла и бетона. Галина Шубникова — поэт-краевед. Даже не «патриот» здесь самое главное, хотя, безусловно, любви к России боле чем достаточно в этих стихах. Эта книга не имеет ничего общего с ура-патриотизмом и громкими лозунгами, она пахнет свежесрубленным деревом, реками, не знавшими сточных вод, и деревенскими цветами, запах которых знал еще Рубцов — бессменный ориентир и покровитель поэта.

Синяя тишина стоит над рубцовскими намоленными местами: Сухоной, Толшмой, Николой, звучащими рефреном в этой книге. Она разбивает у реки шалаш, призывно маня повзрослевшую героиню обратно в детство. Она же подсвечивает «купол неба васильково-синий», а чуть дальше небо уже «васильково-пьяное». Эти оттенки вызывают чуть хмельное счастье. Но не всё так просто с этим многогранным цветом. Так — от светлого к тёмному: вот «почернели синие дали», а вот «плечи окутал синий испуг», потому что «закат запылал синевой», и, наконец, «синяя ночь, поглотившая воздух и время». Мафорий — всеобъемлющий плащ Богородицы из другого стихотворения Г. Шубниковой — это ведь тоже это самое синее ночное небо, усмиряющее плач родной земли, на которой где-то происходят военные

действия, а сердце женщины-поэта болит в далекой Вятке.

Книга полна тревоги и страстного желания поймать столь неуловимый покой для мятущейся, исстрадавшейся души. Эту книгу сложно назвать ласковой арт-терапией — она способна прогрузиться в читателя максимально глубоко. Но после ее прочтения какофонию внутренних и внешних голосов обязательно наполнит та самая синяя тишина, в которой найдется место и слезам счастья, и светлой печали по всему, что было и чего никогда не будет.

Стефания Данилова,
поэт, продюсер, критик,
лауреат литературных премий,
автор 20 книг, член правления
Санкт-Петербургского союза литераторов

Содержание

Елена Крюкова
Жить на земле во имя света. *Предисловие* . . . 3

На просвет

«Хрустом пугает мороз за окном…» 15
«Выходишь утром на просвет морозный…» .16
«Ржавчиной подёрнулись снега…» 17
«Несётся вскачь потерянное время…». 18
«Между светом и снегом…» 19
«Скрепили ветви намертво свои…» 20
«Звенящая синь небес…». 21
«Когда в тебя вгрызается гранит…» 22
«А я всё неотступно верю…» 23
«Ищу дорогу до тебя…». 24
«Ищешь сад свой мучительно долго…» 25

«Из конверта слова…» 26
«Я старалась, вплетала метафоры в строки…»27
«Стихи пишутся…» 28
«Закатом все мечтанья сожжены…» 29
«Мой белый день студёной, снежной птицей…»30
«Ротонда — Храм. Незыблемо молчание…» .31
«Взлетит ли бабочка яркая…» 32

Бирюзовые дни

«Когда горы устанут звать за собой…». 35
«Вздымались всемирным потопом волны…» 36
«Ты помнишь Балтийское море?..» 37
«Иные года…» 38
«Так долго чернела вода. Мучительно
и невольно…». 39
«Деревья и люди сгорают дотла…» 40
«Сосны в лапах качают мерцающий вечер…» 41
«А позовёшь…». 42
«Автобаны, трассы, бездорожье...» 43

«Вновь бирюзою день и ночь звучит…» 44
«Словно собран из гальки и соли…» 45
«Здесь — на краю первобытной земли…» . . .46
«Так ветрено и хочется тепла…» 47
«Не смогу на тебя навсегда наглядеться…» . .48
«Стелются берёзы по земле…» 49
«И снова разрываешься на части…» 50
«Зайду в туман…» 51
«Я не скоро приеду обратно…» 52
«Можно с твоих ладоней…» 53
«Растеряны слова и нет значения…» 54

Дорога к себе

«Покидало по белу свету…» 57
«Город чужой. И родной, и далёкий…» 58
«Не удержал меня огнями…» 59
«Думала, годами выжжется больное…» 60
«Жёлтые ветви акаций…» 61
«Возвращаюсь туда, где качели…» 62

«Тянут ветви тонкие руки…» 63
«Снова дома…» 64
«Вот и встретились снова, родная…» 65
«В городке моём всё по-прежнему…» 66
«Вдруг красной брусникой сверкнёт перелесок…» 67
«Тёплый вечер струился по кружке…» 68
«Моя провинция…» 70
«По лугам — берегам Вятки…» 71
«Так странно нынче замерзает Пижма…» . .72
«По пояс в снегу леденеет провинция…» . . .73
«Здесь только лесовозов след…» 74
«Здесь ствол сосновый в поднебесье — выстрелом…» 75
«Вятка — зеркалье синее…» 76
«Что я потеряла среди неба и сосен?..» 77
«Не найти палисад под окном с георгинами…» 78
«Не мне судить, что получилось в жизни…» 79

Кукарская симфония

«Вы впечатаны в сердце навечно…» 83
Триптих Кукарга 84
Кукарское кружево. 87
«И тёплый след — незримой вереницей…» . .88
«Мои луга в серебряной росе…» 89
«Я ли иду сквозь сад…» 90
«Услышу зов…». 91

Сад памяти

«Возвращусь неприкаянной в сад…». 95
«…Я не в силах вернуть…». 96
«Проснись, мой сад, из памяти воскресни…» 97
«Горчит июль — и солнцем, и дождями…» . .98
«На грани сентября и октября…». 99
Триптих. Дыхание стрекоз 100
«Словно бусины нанизаны на нитку…» . . . 103
«Тепло обнимает мягкими лапами кот…» . . 104

«Из-под руки метельной ночью…» 105
«Январь рассыпается звёздами…» 106
«Растаял дымкой. А вернёшься светом…» . 107
«Встрепенётся снегирь от мороза
трескучего…» 108
«Из осени да в зиму…» 109
«Открыл мне буквы, словно города…». . . . 110
«С каждым годом вопросов всё больше…» . 111
«Вереницей лето, осень, вёсны…» 113
«В тишине колыбель раскачается…» 114
«Когда земля рождает новый день…» 115
Триптих. Сыну 116
«Веткой берёзовой, веткой сосновой…». . . 118
Диптих. Кате и Злате. 119
«Приходит время передать свои сады…». . . 121
«Что бы ни говорила…» 122
«Твоим садам расти ещё, цвести…» 123
«Пламя дрожит и крылом мотылька…» . . . 124
«Иди за мной. Услышишь шум берёз…». . . 125
«В землю врастает сосна корневищем…» . . 126

«У каждого свой вечный, райский сад…» . . 127
«В старом доме скрипят половицы…» 128
Триптих. Памяти бабушки 129
«Чашка чайная на столе…». 131
«Наступит ночь. Собой укроет землю…» . . 132
«Тонкой мережкою рябь по воде…» 133
«Ты слышал песни вереса ночные?..» 134
«Давно оплаканы Степан и Александра…» . 135
«Останется ли сад наш на земле?..» 136
«Яблоки спелые сброшены веткой уставшей…» 137

Переплавленные слова

«Греет осеннее яблоко…» 141
«Переплавить слова в бессловесные камни печали…» 142
«От меня до тебя…» 143
«В этом вспененном вяжущем дне…» 144
«Водопадом к ногам упаду…» 145
«Снова ветви от ветра роняют слова…» . . . 146

«А ты не жди, что я приду весной…». 147
«Из снега шились небо и земля…» 148
«Что было до тебя? Бескрайняя пустыня…». 149
«Обещай, что меня не разлюбишь в пути…» 150
«От снега до снега быстрее, тревожней…» . 151
«Вечерний сад уснул в моих ладонях…» . . . 152

Боль земли

«Стихи не пишутся, не пишутся стихи…». . 155
«Город помнит шаги по ночной мостовой…»156
«Догорали свечи на каштанах…» 157
«А улицы в Донецке пахли розами…» 158
«Сад в ночном молчании застыл…» 159
«Тишина невесомая ночью…» 160
9 Мая 161
«На меня надели тулуп…» 162
Курган Славы (Смолевичи) 164
Ветеран. 165
«Вот походная кружка…». 166

«Растворяется в белой черёмухе…» 167
Триптих. Опалённая шинель. 168
«Сколько снов беспробудно тяжёлых…» . . 171
«И ветер выл. Холодный чёрный ветер…» . 172
Памяти погибших в Афганистане. 173
«До неба. Неба белого, морозного…» 174
«Белое с белым слилось воедино…» 175
«Здесь проросла пустота без следа…» 176
«Осенний сад сутулится — замёрз…» 177
«Синяя ночь поглотила и воздух, и время…».178
«Силу зимы забирает весна…» 179
«Сквозь ажурную зелень…» 180
«Полощет время тучи в небесах…». 181
«Ты воду пьёшь, как силу, из колодца…». . . 182
«О, в том ли саду я искала в печали…» . . . 183
«Что-то странное в мире творится…» 184
«Ты и в горе была, и в радости…». 185
«И снова предпоследняя война…» 186
«Вскинется дрожью сиреневый воздух…» . 187
«Лишь во сне прикасаюсь я…» 188

«Когда бездна на грудь упадёт…» 189
«Как вынуть мне из сердца слово…» 190
«Держу в своих ладонях старый год…» . . . 191
«Где мне искать сегодня волшебство…» . . . 192
«Ещё одна зима. Там слякоть, грязь
и холод…» 193
«Призрачен свет на больничной стене…». . 194
«Снова ворон крылом невзначай задевает…»195
«И снова на рассвете мне не спится…» . . . 196
«Растает снег…» 197
«Я леплю из пластилина…» 198
«Не все печали пройдены Россией…» 200
«Молитвы, былины да песни…». 201
«Раскинь, раскинь мафорий, Богородица…» 202

От версты до версты...

«Сад становится иным на рассвете…» 205
«Старенький храм на пригорке…» 206
«Только в чёрной реке…». 207

«И что мне Бог?..» 208
«Сколько лет закапывали правду…» 209
«Не зарекаться бы от горестей и бед…» . . . 210
XXI век 211
«Прожив всю жизнь…» 212
«И в ночь Рождества, словно заново
вспыхнув…» 214
«Когда истаивает ночь, бесплотна и тиха…» 215
«Ляжет ли снова на сердце тепло…» 216
«Всё больше зовёт тишина…» 217
«И снова день не в высоту…» 218
«Пути развилка. Каменна спина…» 219
Одуванчик 220
«Так холодно звенит ночная мгла…» 221
«Услышь меня в любое время дня…» 222
«Даруй мне, Господи, лишь тишину небес…»223
«Гляжу на сад — он вечностью измерен…» . 224
«Мне воды бы колодезной…» 225
«Я достану сентябрь из кармашка
притихшего лета…» 226

Звуки вселенной

«Пение птицы слышит вода…» 229
Болдинская осень 230
Памяти А. Ахматовой 231
Марине Цветаевой 232

Н. М. Рубцову

«Разве можно вымечтать такое…» 233
«Над Сухоной и Толшмой грозовые тучи…» 234
«Да что ж так ноги вязнут, не хочется идти…» 235
«Синие сумерки вьются над Толшмой…» . . 236
«А над Тотьмой розовый рассвет…» 237
«Закат разливался над спящей Николой…». 238
«Тучи всё ниже, и с гомоном птицы снуют…». 239
«И сотни вдруг стали друзьями…» 240
Стихи Рубцова 241
Николаю Рубцову 242
Рубцовский путь 243
«Перечитаны жизни страницы…». 244
«Посмотри — всё летают бабочки…» 245

«Тонким пламенем тусклой свечки…» 246
«Я закутаюсь в сон. Тихо вечер протянет ладошки…». 247
«Январской морозною бабочкой рождается мысль в небесах…». 248
«Индийские камни на смуглой руке…» . . . 249
«Когда с собой встречаешься…» 250
«Имя травы — тебе…» 251
«Немой травой и прорастать, и чахнуть…» . 252
«Иных имён незримое пространство…». . . 253
Триптих. Евгению Степанову 254
«Бывает, цветы — отрада…». 256
«Вы птица певчая полей…» 257
«Живёт поэт…». 258
«А давай-ка, браток, порыбачим с тобой…» 259
«Очень важно, что солнца осколочки…» . . 260
«Душой поэт. И многого не надо…» 261
«В пожухлых травах задержусь на миг…» . . 262
«Костёр горит, не гаснет на снегу…» 263
«Твой город неласков по-прежнему…» . . . 264
«На пороге другого века…» 266

«Ветры гуляют ночными полями…» 267
«Из тверди, и глины, и чернозёма…». 268
Диптих. Игорю Русских. 269
«И вновь снега легли на все поля…» 270
«Нам лижут пятки языки костра…» 271
«О, как земля податлива, тепла…» 272
«Здесь все рядком. Нет распри из-за наций…».273
«Тихой водой в твоё небо паду…» 274

Небес глубина

«Разорвана тьма. Всполохи света —
распятьем…». 277
«Небо у всех разное…» 278
«Дыханье тьмы, рождая тишину…» 279
«Это на том берегу…» 280
«Словно пыль прошлогодняя — воздух…» . 281
«Августовские ночи…» 282
«Бегущее время врастает в деревья…». . . . 283
«Дождь ночной стучит по крыше…». 284

«Не отречься от снега белого…» 285
«Бабочка крылья расправит…» 286
«Искры остры у костра…» 287
«В светлой воде не вода…» 288
«Через месяц на*а*бело…». 289
«Засохшей веткой яблони в саду…» 290
«Снова очнёшься в деревне…» 291
«Вытяну нитку луны…». 292
«Листом осенним оторваться от основы…». 293
«Опрокинется небо в озеро…» 294
«А в небе ни дорог и ни холмов…» 295
«Дышу вечностью до последнего вдоха…». . 296
«Сяду на берегу. Жду разговора с рекой…». 297
«Говори, говори, вода…» 298
«Качнулась осень в сторону зимы…» 299
«Не видится ни света, ни зимы…» 300
«Не забыто, испито, не брошено…» 301
«Я долго шла по снежности земной…» . . . 302
«Нет, не уйти за ветреной толпой…». 303
«Моя зима — она совсем иная…». 304

«Февральский день немой…». 305
«Я помню дорогу — вела под откос
к роднику…» 306

Переводы

Елена Афанасьева

В Важгорте. 309
«В знойный день надену в мыслях
ветер-платье…». 310
«Ручеёк иссыхает — скупые, солёные капли…»311
Разлука 312
Время стремительной птицей 313
Покров 314
«С папой танцевали венский вальс…». . . . 315

Алана Бестаева

«О чём просить? Что высказать судьбе?..». . 316

Мирза Магомедов

«В твоей улыбке, милая…» 317
«Я в глазах твоих утонуть готов…». 318
«Переполнено сердце любовью…» 319

«Уколола взглядом враз…» 320
Чёрные глаза 321
Расмия Ашурбекова
«Жизнь моя реке подобна…» 322
Салимет Майлыбаева
Золото 323
«Прости, Земля…» 324

Рецензии, полученные на стихи и книги

Елена Крюкова
Отзыв 325
Валерий Фокин
Отзыв 326
Алексей Панин
«И нитью вновь связать незримой…»
Рецензия 327
Ирина Малкова
Отзыв 328

Иван Родионов
Волонтёр красоты. *Рецензия* 329
Алексей Панин
Рецензия 331
Стефания Данилова
Поэт веры в то, что красивая песня
не закончилась. *Рецензия* 333
Рецензия 335

Литературно-художественное издание

Галина ШУБНИКОВА

ИЗЛУЧИНА

Избранное

Редактор — *Елена Крюкова*
Корректор, технический редактор — *Евгений Степанов*
Компьютерная вёрстка — *Ирина Ракитина*

Бумага офсетная
Гарнитура Minion
Тираж 100 экземпляров
Подписано в печать 05.09.2025

Издательство «Вест-Консалтинг»
115230, г. Москва, Хлебозаводский проезд, д. 7,
стр. 9, этаж 7, пом. XIV, ком. 12
Тел. (495) 978 62 75

Типография «Клуб печати»
127018, г. Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи,
д. 40, стр. 1, офис 32.